

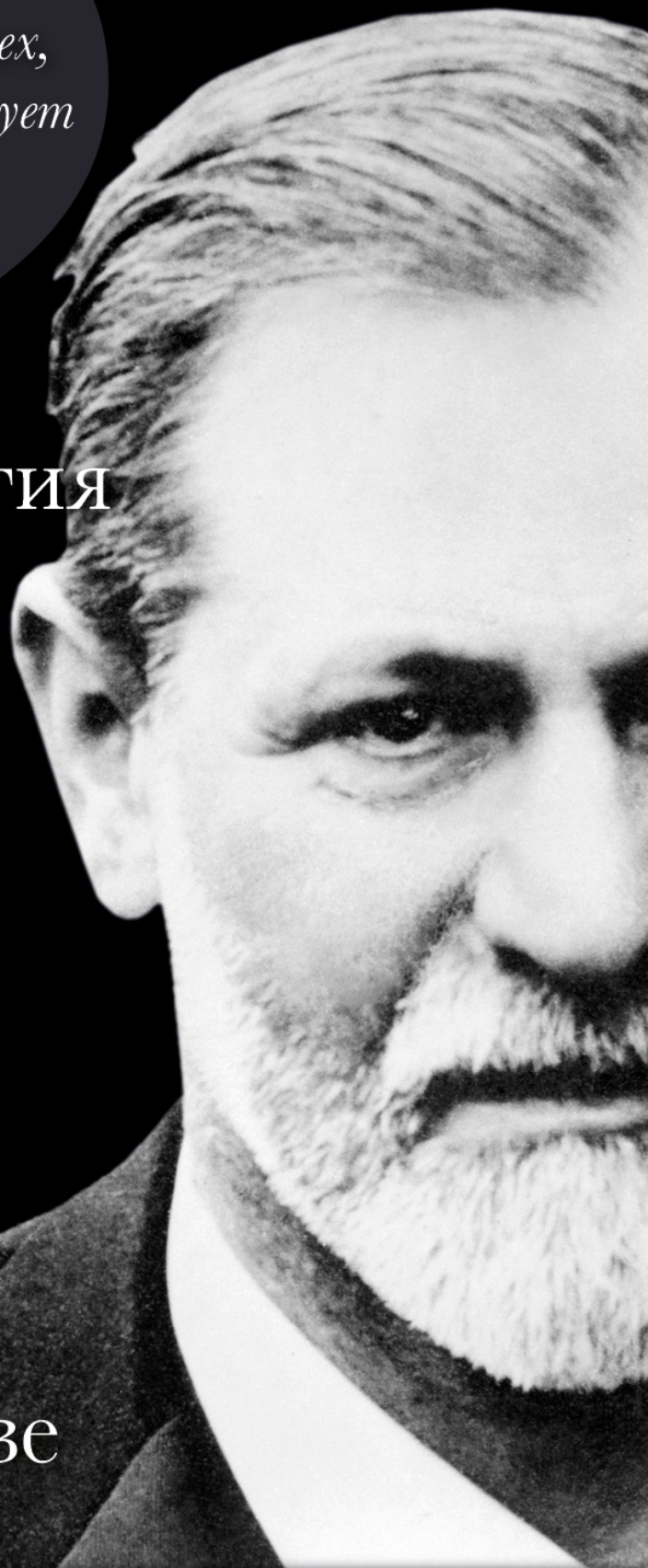
Фрейд

*Мы встречаем только тех,
кто уже существует
в нашем подсознании*

Психопатология
обыденной
жизни

Толкование
сновидений

Пять лекций
о психоанализе

БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХ СОЧИНЕНИЙ

Зигмунд Фрейд

**Психопатология обыденной
жизни. Толкование
сновидений. Пять лекций
о психоанализе (сборник)**

«ЭКСМО»

1899, 1901, 1910

УДК 159.96
ББК 88.6

Фрейд З.

Психопатология обыденной жизни. Толкование сновидений. Пять лекций о психоанализе (сборник) / З. Фрейд — «Эксмо», 1899, 1901, 1910

Зигмунд Фрейд – знаменитый австрийский ученый, психиатр и невролог, основатель психоанализа. Его новаторские идеи, критиковавшиеся в научном сообществе, тем не менее оказали огромное влияние на психологию, медицину, социологию, антропологию, литературу и искусство XX века. Среди крупнейших достижений Фрейда: обоснование понятия «бессознательное», разработка теории эдипова комплекса, создание метода свободных ассоциаций и методики толкования сновидений. В настоящем издании собраны самые значимые и популярные труды философа: «Психопатология обыденной жизни», «Толкование сновидений» и «Пять лекций о психоанализе». Философские трактаты как нельзя лучше отражают позицию автора и дарят читателю возможность оценить творческое наследие Фрейда.

УДК 159.96

ББК 88.6

© Фрейд З., 1899, 1901, 1910
© Эксмо, 1899, 1901, 1910

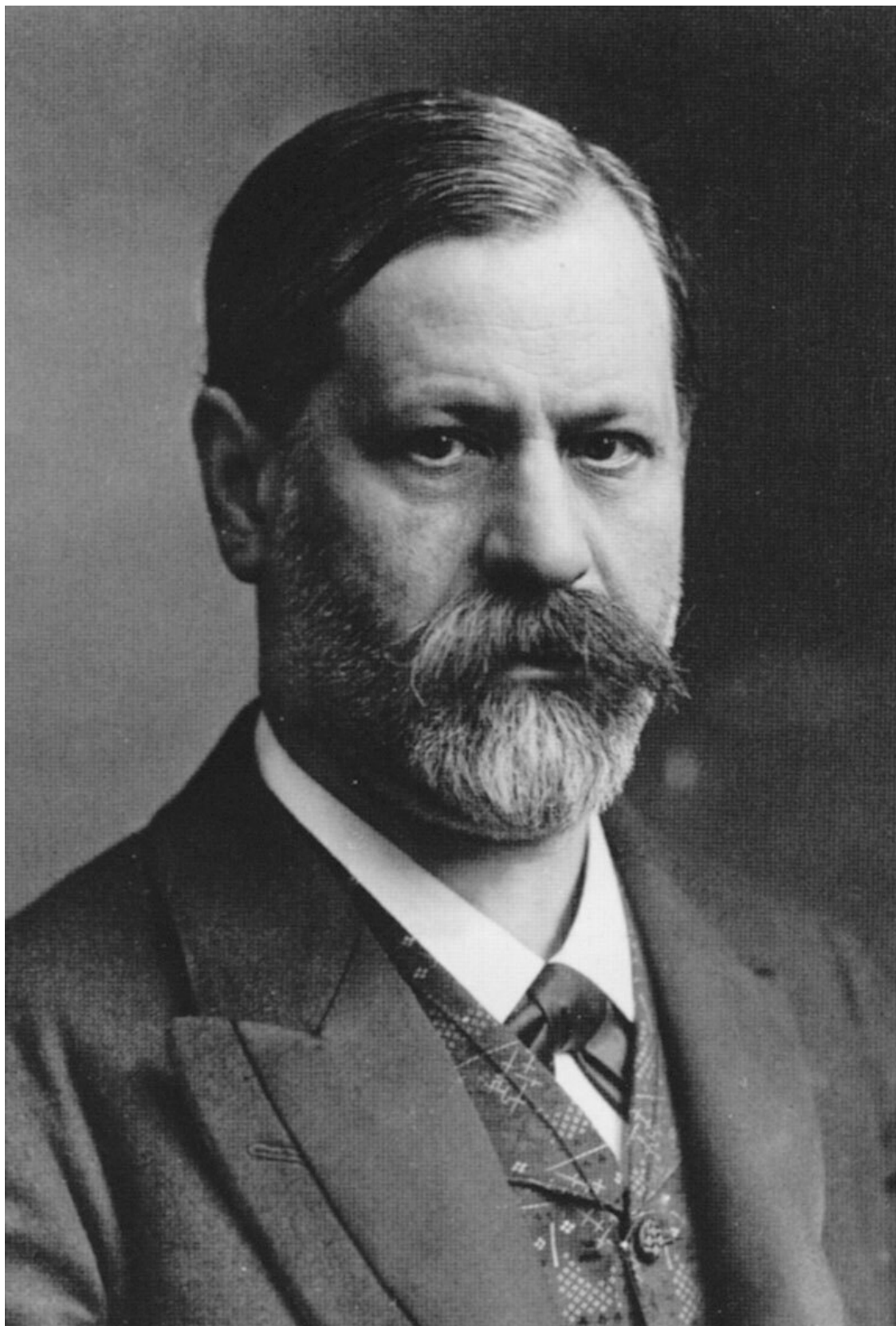
Содержание

Вопросы, на которые дает ответ эта книга	7
Предисловие	11
Толкование сновидений	12
Метод толкования сновидений. Образец анализа сновидения	12
Сновидение – осуществление желания	24
Искажающая деятельность сновидения	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Зигмунд Фрейд
Психопатология обыденной жизни.
Толкование сновидений. Пять
лекций о психоанализе (сборник)

© ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Зигмунд Фрейд (1856–1939)

Вопросы, на которые дает ответ эта книга

Что значит «истолковывать сновидение»?

«Истолковывать сновидение» значит раскрыть его «смысл», заменить его чем-либо, что в качестве полноправного и полноценного звена могло бы быть включено в общую цепь наших душевных процессов.

В чем различие психических процессов у человека размышляющего и наблюдающего?

При размышлении психический процесс играет большую роль, чем при самом внимательном наблюдении, как то показывает даже напряженная физиономия и морщины на лбу человека, погруженного в раздумье, в противоположность к мимическому спокойствию самонаблюдающего субъекта.

Что такое истерическое отождествление?

Отождествление (идентификация) чрезвычайно важный момент для механизма истерических симптомов. Этим путем больные выявляют в своих симптомах не только собственные переживания, но и переживания других лиц.

Что такое сновидение?

Сновидение представляет собою (скрытое) осуществление (подавленного, вытесненного) желания.

Почему нам снятся страшные сны?

Сновидения страха суть сновидения с сексуальным содержанием: либидо превращается в них в страх.

Придумываем ли мы во сне диалоги?

Сновидение не может создавать новых диалогов – анализ всякий раз показывает нам, что сновидение заимствует из мыслей, скрывающихся за ним, лишь отрывки действительно бывших или слышанных разговоров и поступает с ними по своему произволу.

Чем объяснить абсурдные сны?

Сновидение становится абсурдным в том случае, когда в мыслях, скрывающихся за ним, имеется в качестве одного из элементов его содержания суждение: «Это нелепо», когда вообще одна из бессознательных мыслей грезящего сопровождается критикой и иронией.

Можно ли думать во сне?

Акт суждения в сновидении представляет собою лишь повторение своего образца в мыслях, скрывающихся за сновидением.

Почему мы забываем сны?

Забывание сновидений зависит гораздо больше от сопротивления, чем от той большой пропасти, которая разделяет состояние сна и бодрствования.

Откуда берется материал для снов?

Бессознательное охватывает своими соединениями главным образом те впечатления и представления предсознательного, которые либо в качестве индифферентных были оставлены без внимания, либо же впоследствии были лишены его.

Зачем мы видим сны?

Сновидение поставило перед собой задачу подчинять освобожденное раздражение бессознательной системы господству предсознательной; оно отводит при этом раздражение и предохраняет в то же время от незначительной затраты бодрствующей деятельности сон предсознательной сферы.

Каждый ли сон можно истолковать?

На вопрос о том, может ли быть истолковано каждое сновидение, следует ответить отрицательно. Не нужно забывать того, что при толковании приходится бороться с психическими силами, повинными в искажении сновидения.

Что формирует характер?

То, что мы называем нашим характером, основывается на воспоминаниях о впечатлениях, как раз о тех, которые оказали на нас наиболее сильное действие, на впечатлениях нашей ранней молодости.

Что такое психическое перенесение?

Бессознательное представление как таковое не способно войти в сферу предсознательного, там оно может вызвать лишь один эффект: оно соединяется с невинным представлением, принадлежащим уже к сфере предсознательного, переносит на него свою интенсивность и прикрывается им. Это и есть факт перенесения.

Можно ли избавиться от бессознательных желаний?

Замечательной особенностью бессознательных процессов именно и является то, что они неразрушимы. В бессознательном ничего нельзя довести до конца, в нем ничто не проходит и ничто не забывается.

Почему мы забываем имена?

Анализируя наблюдаемые на себе самом случаи позабывания имен, я почти регулярно нахожу, что недостающее имя имеет то или иное отношение к какой-либо теме, близко касающейся меня лично и способной вызвать во мне сильные, нередко мучительные аффекты.

Как возникают обмолвки?

Фактором, обуславливающим возникновение обмолвки и достаточно объясняющим ее, я считаю не взаимодействие приходящих в контакт звуков, а влияние мыслей, лежащих за пределами задуманного.

Почему мы забываем впечатления и намерения?

Я различаю забывание впечатлений и забывание переживаний, то есть забывание того, что знаешь, от забывания намерений, упущения чего-то. Результат всего этого ряда исследований один и тот же: во всех случаях в основе забывания лежит мотив отвращения.

Откуда берутся суеверия?

Одним из психических корней суеверия служит сознательное неведение и бессознательное знание мотивировки психических случайностей. Так как суеверный человек не подозревает о мотивировке своих собственных случайных действий и так как факт наличия этой мотивировки требует себе признания, то он вынужден путем переноса отвести этой мотивировке место во внешнем мире.

Реально ли ощущение дежавю?

Я полагаю, что называть ощущение дежавю иллюзией – несправедливо. В такие моменты, действительно, затрагивается нечто, что уже было раз пережито, только его нельзя сознательно вспомнить, потому что оно и не было никогда сознательным. Ощущение «уже виденного» соответствует воспоминанию о бессознательной фантазии.

Из-за чего происходит расщепление психики?

Мы выводим расщепление психики не от прирожденной недостаточности синтеза душевного аппарата, но объясняем это расщепление динамически, как конфликт противоположно направленных душевных сил; в расщеплении мы видим результат активного стремления двух психических группировок одной против другой.

Бывают ли случайные мысли и поступки?

Психоаналитик отличается особо строгой уверенностью в детерминации душевной жизни. Для него в психической жизни нет ничего мелкого, произвольного и случайного, он ожидает повсюду встретить достаточную мотивировку, где обыкновенно таких требований не предъявляется.

Существует ли сексуальность у детей?

Ребенок с самого начала обладает сексуальными инстинктами; он приносит их в свет вместе с собой, и из этих инстинктов образуется благодаря весьма важному процессу развития, идущему через многие этапы, так называемое нормальное сексуальное чувство взрослых.

Предисловие

Более 100 лет назад австрийский психиатр Зигмунд Фрейд создал теорию психоанализа, основанную на чрезвычайно смелых и новаторских для своего времени идеях: он связал психосексуальное развитие человека с присущими ему моделями поведения и состоянием душевного здоровья. Несмотря на то, что поначалу воззрения Фрейда были восприняты неоднозначно, впоследствии его учение обрело огромную популярность и оказало существенное влияние не только на развитие психологии, но и на формирование множества философских, гуманитарных и художественных концепций.

Деятельность Фрейда была необычайно плодотворной, за несколько десятилетий он создал сотни научных работ. Взгляды основателя психоанализа с течением времени трансформировались, поэтому исследователи условно делят его учение на три периода.

На протяжении первого периода, который приходится на рубеж XIX–XX веков, Фрейд рассматривает психоанализ, в основном, как метод лечения неврозов. Но уже в это время он начинает задумываться об общих закономерностях душевной жизни человека и об использовании методов психоанализа для ее изучения. Труды «Толкование сновидений» и «Психопатология обыденной жизни», представленные в данном издании, были написаны, когда теория Фрейда только набирала популярность и обретала последователей.

«Толкование сновидений» – важнейшая из работ Фрейда, здесь впервые появляется такое фундаментальное понятие, как бессознательное, и закладываются основы для дальнейшего развития психоанализа. Ученый описывает три уровня личности: сознательное, работу которого человек может наблюдать; предсознательное – скрытая, но, тем не менее, осознаваемая часть; бессознательное – руководящая, но не воспринимаемая человеком область сознания. Бессознательное, по Фрейду, проявляет себя в сновидениях, демонстрируя скрытые и подавленные желания, страхи, неврозы. «Толкование сновидений» публикуется в сокращении, для малого собрания сочинений выбраны самые важные и наиболее доступные для восприятия главы книги.

«Психопатология обыденной жизни» до сих пор является ключевой работой теории психоанализа, так как рассматривает одну из основополагающих концепций учения – парапраксис. Этим термином Фрейд обозначил незначительные машинальные ошибки, оговорки и т. п. Ученый считал, что в подобных неверных действиях проявляется то, что скрыто в бессознательном; поэтому исследование парапраксиса чрезвычайно полезно для выявления внутренних конфликтов личности.

Второй период научной деятельности Фрейда характеризуется более широким применением психоанализа. В 10-е – 20-е годы XX века Фрейд создает цельное учение о психологии личности, ее формировании и развитии, формулирует основные понятия и закономерности. Его теорией интересуются ученые разных стран, и в 1909 году Фрейд получает приглашение выступить с докладом в одном из университетов Америки. «Пять лекций о психоанализе», публикуемые в этом собрании сочинений, являются записью американского выступления Фрейда.

«Пять лекций о психоанализе» – краткое, но, тем не менее, очень полное изложение учения Фрейда, включающее конкретные примеры, которые иллюстрируют применение психоанализа на практике. В работе описаны этапы развития теории, объяснены основополагающие понятия и термины, разобраны методы работы с пациентами.

Завершающий период развития психоанализа обычно называют философским. Фрейд распространяет свою теорию на общественную и культурную жизнь, подвергает анализу различные ее аспекты, такие как религия, мораль и т. п. Таким образом, психоанализ, первоначально созданный для работы с психическими отклонениями, становится цельной философской системой.

Толкование сновидений

Метод толкования сновидений. Образец анализа сновидения

Заглавие, данное мною моей книге, само уже говорит о том, с какой традицией связываю я понимание сновидений. Я задался целью показать, что сновидения доступны толкованию, и дополнения к освещению проблемы сновидения лишь помогают мне выполнить мою действительную задачу. Предположением, что сновидение доступно толкованию, я вступаю сразу в противоречие с господствующим учением о сновидениях, да и вообще со всеми теориями, за исключением учения *Шернера*, ибо **«истолковывать сновидение» значит раскрыть его «смысл», заменить его чем-либо, что в качестве полноправного и полноценного звена могло бы быть включено в общую цепь наших душевных процессов.** Как мы уже видели, научные теории сновидения не включают в себя проблемы толкования последних, ибо сновидение не является для них вообще душевным актом, а лишь соматическим процессом. Иначе обстоит дело почти всегда с воззрениями на сновидения у широкой публики. Последняя считает своим правом быть непоследовательной и, хотя и признает, что сновидение непонятно и абсурдно, однако не может решиться отрицать какое бы то ни было значение за сновидениями. Руководимая неясным предчувствием, она все же предполагает, что сновидение имеет определенный смысл, быть может, и скрытый и заменяющий собою другой мыслительный процесс и что речь идет лишь о необходимости правильно раскрыть эту замену, чтобы понять скрытое значение сновидения.

Широкая публика старалась поэтому всегда «толковать» сновидения и пользовалась при этом двумя существенно различными методами. Первый из этих методов рассматривает содержание сновидения как нечто целое и старается заменить его другим понятным и в некоторых отношениях аналогичным содержанием. Это – *символическое* толкование сновидений; оно терпит крушение, разумеется, с самого начала, и те сновидения кажутся не только непонятными, но и спутанными и хаотическими. Примером такого метода служит толкование, которым воспользовался библейский Иосиф для сновидения фараона. Семь тучных коров, после которых появилось семь тощих, пожравших первых, являются символическим замещением предсказания о семи голодных годах в Египте, которые поглотят весь тот избыток, который создадут сытые годы. Большинство искусственных сновидений, созданных поэтической фантазией, предназначено для такого символического толкования, так как они передают мысли поэта в замаскированном виде, приспособленном к известным особенностям наших сновидений. Воззрение, будто сновидение интересуется преимущественно будущим, которое оно может наперед предвидеть, – остаток пророческой роли, приписывавшейся прежде сновидениям, становится затем мотивом, который побуждает символическое толкование изложить найденный смысл сновидения в будущем времени.

Как найти путь к этому символическому толкованию, на этот счет нельзя дать, разумеется, никаких определенных указаний. Успех зависит от остроумия, от непосредственной интуиции субъекта, и потому толкование сновидений при помощи символики вполне зависит от искусства, связанного, очевидно, с особым талантом. Но такому толкованию совершенно противоречит другой популярный метод толкования сновидений. Метод этот может быть назван «расшифровыванием», так как он рассматривает сновидение как своего рода условный шифр, в котором каждый знак при помощи составленного заранее ключа может быть заменен другим знаком общеизвестного значения и смысла.

Мне снилось, например, письмо, вслед за ним похороны и так далее: я смотрю в «соннике» и нахожу, что «письмо» означает «досаду», «похороны» – «обручение» и так далее. В дальнейшем уже зависит от меня связать эти понятия и, конечно, перенести их на будущее. Интересным вариантом этого расшифровывания, который до некоторой степени исправляет его механичность, представляет собой сочинение *Артемидора* из Дальдиса о толковании сновидений.

Здесь во внимание принимается не только содержание сновидения, но и личность и жизненные условия самого грезящего, так что один и тот же элемент сновидения имеет иное значение для богача, женатого и оратора, чем для бедного, холостого и купца. **Наиболее существенно в этом методе то, что толкование не обращается на сновидение во всем его целом, а на каждый элемент последнего в отдельности, как будто сновидение является конгломератом, в котором каждая часть обладает особым значением.** К созданию этого метода послужили поводом, очевидно, бессвязные, сбивчивые сновидения.

Для научного рассмотрения темы непригодность обоих популярных методов толкования сновидений, конечно, очевидна. Символический метод в применении своем чрезвычайно ограничен и не может претендовать на более или менее общее значение. В методе расшифровывания все направлено к тому, чтобы «ключ», «сонник» был вполне надежным источником, а для этого, разумеется, нет никаких гарантий. Невольно возникает искушение согласиться с философами и психиатрами и вместе с ними отказаться от *проблемы толкования сновидений*, как от призрачной и излишней задачи.

Я между тем придерживаюсь совершенно иного взгляда. Я имел возможность убедиться, что здесь снова перед нами один из тех нередких случаев, в которых чрезвычайно упорная народная вера ближе подошла к истине вещей, чем суждения современной науки. Я считаю своим долгом утверждать, что сновидение действительно имеет значение и что действительно возможен научный метод его толкования. К этому заключению я пришел следующим путем.

Много лет занимаюсь я изучением многих психопатологических явлений, истерических фобий, навязчивых представлений и т. п. в терапевтических целях. Я имел возможность убедиться при содействии моего сотрудника Брейера, что для таких явлений, воспринимаемых в качестве болезненных симптомов, раскрытие их и устранение совпадают друг с другом. **Когда такое патологическое явление удается свести к отдельным элементам, из которых происходило оно в душевной жизни больного, то тем самым оно устраняется, и больной избавляется от него.** При бессилии других наших терапевтических стремлений и ввиду загадочности таких состояний мне казалось целесообразным пойти по пути, открытому Брейером, и, несмотря на многочисленные трудности, достичь намеченной цели. Каким образом сложилась в конце концов техника этого метода, каков был результат стараний, об этом я буду иметь случай говорить в дальнейшем изложении. Во время этих психоаналитических занятий я натолкнулся на толкование сновидений у пациентов, которых я заставлял сообщать мне все их мысли и чувства, возникающие у них по поводу определенного вопроса, рассказывал им свои сновидения и показывал им тем самым, что сновидение может быть заключено в психологическую цепь, которая отданной патологической идеи простирается в глубь воспоминаний. Теперь уже было нетрудно рассматривать самое сновидение как симптом и применять к нему тот же метод толкования, что и к последнему.

Для этого необходима, конечно, известная психическая подготовка больного. От него требуются две вещи: усиление внимания к его психическим восприятиям и устранение критики, при помощи которой он обычно производит подбор возникающих в его мозгу мыслей. В целях его самонаблюдения при помощи повышенного внимания целесообразно, чтобы он занял спокойное положение и закрыл глаза; особенно важным представляется устранение критики воспринятых мыслей и ощущений. Необходимо сказать ему, что успех психоанализа обуславливается тем, что он замечает и сообщает все, что проходит у него через мозг и не пытается подавлять мысли, которые могут показаться ему несуществен-

ными, абсурдными или не относящимися к теме; он должен относиться совершенно беспристрастно к своим мыслям; ибо именно эта критика сыграла бы важную роль, если бы ему не удалось найти желанного разъяснения сновидения, навязчивой идеи и т. п.

При психоаналитических занятиях я имел случай заметить, что психическая структура размышляющего человека совершенно иная, чем структура наблюдающего свои психические процессы. При размышлении психический процесс играет большую роль, чем при самом внимательном наблюдении, как то показывает даже напряженная физиономия и морщины на лбу человека, погруженного в раздумье, в противоположность к мимическому спокойствию самонаблюдающего субъекта. В обоих случаях необходимо усиленное внимание, но при обычном размышлении человек сохраняет критику, в силу которой отбрасывает часть возникающих у него мыслей после того, как он их воспринял, или прерывает другие, так что не следит за тем ходом мыслей, который, быть может, они начинают: другие мысли он вообще не сознает, так как они подавляются до их восприятия. Самонаблюдатель, напротив того, старается лишь подавить критику; если это ему удастся, он начинает сознавать бесчисленное множество мыслей, которые в противном случае остались бы у него неосознанными. При помощи полученного таким путем материала может быть произведено толкование патологических идей, а также и сновидения. Ясно, таким образом, что тут речь идет о подготовке психического состояния, которое в отношении распределения психической энергии (подвижного внимания) имеет некоторую аналогию с состоянием засыпания (а вместе с тем и с гипнотическим состоянием). При засыпании «нежелательные представления» появляются наружу вместе с ослаблением произвольного (разумеется, также и критического) процесса, оказывающего влияние на ход наших представлений. В качестве причины такого ослабления мы приводим обычно «утомление»; появляющиеся нежелательные представления преобразовываются в зрительные и слуховые образы. **При состоянии, которым пользуются для анализа сновидения и патологических идей, намеренно и умышленно отказываются от активности и используют сохранившуюся психическую энергию (или часть ее) для внимательного прослеживания появляющихся нежелательных мыслей, сохраняющих свой характер представлений (в этом и заключается отличие от состояния при засыпании).** Таким образом «нежелательные» представления превращаются в «желательные».

Требуемая здесь установка на мнимо «свободное течение» мыслей с устранением критики, по-видимому, чрезвычайно затруднительна для многих. «Нежелательные мысли» вызывают обычно сильное сопротивление, мешающее им пробиться наружу. Если поверить, однако, нашему великому мыслителю-поэту *Шиллеру*, то такой же процесс необходим и для поэтического творчества. В одном месте своей переписки с *Кернером Шиллер* отвечает на жалобу своего друга в его недостаточной плодовитости: «Причина твоих жалоб объясняется, как мне кажется, тем принуждением, которое твой разум оказывает на твоё воображение. Я выскажу здесь одну мысль и проиллюстрирую ее сравнением. Мне представляется вредным, если разум чрезвычайно резко критикует появляющиеся мысли, как бы сторожа и самый порыв их. Идея в своем изолированном виде, быть может, чрезвычайно ничтожна и опасна, но вместе с другими, последующими, она может быть чрезвычайно важной; в связи с этими другими идеями, в отдельности такими же ничтожными, она может представить собою весьма интересный и существенный ход мыслей. Обо всем этом не может судить рассудок, если он не сохраняет идею до тех пор, пока не рассматривает ее в связи с остальными. В творческой голове, напротив того, разум снимает с ворот свою стражу, идеи льются в беспорядке и лишь затем он окидывает их взглядом, осматривает целое скопление их. Вы, господа критики, стыдитесь или боитесь мгновенного преходящего безумия, которое наблюдается у всякого творческого разума и продолжительность которого отличает мыслящего художника от мечтателя. Отсюда-то и происходят ваши жалобы на неплодовитость: вы чересчур рано устраняете мысли и чересчур строго их сортируете». (Письмо от 1 декабря 1788 года).

Большинство моих пациентов осиливают эти трудности уже после первых указаний; для меня лично это тоже не представляет особой трудности, особенно когда я записываю свои мысли. Сумма психической энергии, на которую, таким образом, понижается критическая деятельность и которая в то же время повышает интенсивность самонаблюдения, значительно колеблется, смотря по теме, на которой должно фиксироваться внимание пациента.

Первый шаг при применении этого метода учит, что **в качестве объекта внимания следует брать не сновидение во всем его целом, а лишь отдельные элементы его содержания.** Если я спрошу неопытного пациента: «Что вызвало у вас такое сновидение?» – то он обычно не может найти ничего в своем умственном кругозоре; мне приходится разложить сновидение на отдельные части, и тогда он к каждой такой части приводит целый ряд мыслей, которые можно назвать «задними мыслями» этих элементов сновидения. В этом первом важном условии мой метод толкования сновидений отличается уже от популярного исторического и легендарного метода толкования при помощи символизации и приближается ко второму методу «расшифровывания». Он, как и последний, представляет собою толкование *on detail*, а не *en masse*: как последний, он берет с самого начала сновидение как конгломерат психических явлений.

Во время моих психоанализов у невротиков мне удалось истолковать, наверное, несколько тысяч сновидений, но этим материалом я не воспользуюсь здесь для введения в технику и сущность толкования сновидений. Не говоря уже о том, что мне могли бы возразить, что это сновидения невропатов, не дающие возможности провести аналогию их со сновидениями здоровых людей, к устранению их меня побуждает еще и другая причина. **Тема, которой касаются эти сновидения, разумеется, почти всегда история болезни, на которой базируется данный невроз.** Благодаря этому для каждого сновидения необходимы были бы чересчур распространенные предварительные сообщения и ознакомление с сущностью и этиологическими условиями психоневроза; все эти вещи сами по себе в высшей степени интересны, они, наверное, отвлекли бы наше внимание от самой проблемы сновидения. Моя же цель заключается, наоборот, в том, чтобы толкованием сновидений подготовить разрешение более трудной и сложной проблемы психологии неврозов. Если же я отказываюсь от сновидений невротиков, от своего главного материала, то я имею уже право не быть чересчур разборчивым в другом материале. Мне остаются лишь те сновидения, которые сообщены мне случайно здоровыми людьми или же которые я нашел в качестве примера в литературе проблемы сновидения. К сожалению, все эти сновидения лишены анализа, без которого я не могу найти смысла сновидения. Мой метод не так удобен, как метод популярного расшифровывания, который при помощи постоянного ключа раскрывает содержание сновидений; я, наоборот, готов к тому, что одно и то же сновидение у различных лиц и при различных обстоятельствах может открывать совершенно различные мысли. Благодаря всему этому я стараюсь использовать мои собственные сновидения как наиболее обильный и удобный материал, проистекающий, во-первых, от довольно нормальной личности, а во-вторых, касающийся самых различных пунктов повседневной жизни. Читатели могут усомниться в надежности такого «самоанализа», – произвол при этом, конечно, не исключен. Однако самонаблюдение, на мой взгляд, значительно удобнее и целесообразнее, чем наблюдение над другими; во всяком случае, можно попытаться установить, какую роль играет самоанализ в толковании сновидений. Другую, значительно большую трудность мне пришлось преодолеть внутри самого себя. Человек испытывает понятную боязнь раскрывать интимные подробности своей душевной жизни: он всегда рискует встретить непонимание окружающих. Но боязнь эту необходимо подавлять. «Всякий психолог, – пишет Дельбеф, – должен признаться в своей слабости, если это признание позволит ему осветить ранее закрытую проблему». И у читателя, как мне кажется, начальный интерес к интимным подробностям должен скоро уступить место исключительному углублению в освещаемую этим психологическую проблему.

Я приведу поэтому одно из моих собственных сновидений и на его примере разьясню свой метод толкования. Каждое такое сновидение нуждается в предварительном сообщении. Мне придется попросить читателя на несколько минут превратить мои интересы в его собственные и вместе со мной погрузиться в подробности моей жизни, ибо такого перенесения с необходимостью требует интерес к скрытому значению сновидения.

Предварительное сообщение: летом 1895 г. мне пришлось подвергнуть психоанализу одну молодую даму, которая находилась в тесной дружбе со мной и моей семьей. Вполне понятно, что такое смешение отношений может стать источником всякого рода неприятных явлений для врача, особенно же для психотерапевта. Личный интерес врача значительнее, его авторитет меньше. Неудача угрожает подорвать дружбу с близкими пациентами. Мое лечение закончилось частичным успехом, пациентка избавилась от истерического страха, но не от всех своих соматических симптомов. Я был в то время не вполне еще убежден в критериях, которые определяют полное окончание истерии, и предложил пациентке «решение», которое показалось ей неприемлемым. Расходясь с нею во мнениях, мы посреди лета временно прекратили лечение. В один прекрасный день меня посетил мой молодой коллега, один из моих близких друзей, бывший недавно в гостях у моей пациентки Ирмы и у ее семьи. Я спросил его, как он ее нашел, и услышал в ответ: ей лучше, но не совсем еще хорошо. Я помню, что эти слова моего друга Отто или, вернее, тон их меня рассердил. Мне показалось, что в этих словах прозвучал упрек, нечто вроде того, будто я обещал пациентке чересчур много. Я объяснил мнимое пристрастие Отто по отношению ко мне влиянием родных пациентки, которым уже давно, как мне казалось, не нравилось мое лечение. Впрочем, неприятное чувство было у меня довольно смутно, и я ничем не проявил его. В тот же вечер я записал довольно подробно историю болезни Ирмы, чтобы вручить ее в свое оправдание доктору М., нашему общему другу и чрезвычайно популярному врачу. В эту же ночь (вернее к утру) я испытал нижеследующее сновидение, записанное мною тотчас же по пробуждении.

Сновидение 23/24 июля 1895 года

Большая зала – много гостей, которых мы принимаем. Среди них Ирма, которую я беру под руку, точно хочу ответить на ее письмо, упрекаю ее в том, что она не приняла моего «решения». Я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Она отвечает: «Если бы ты знал, какие у меня боли теперь в горле, желудке и животе, мне все прямо стягивает». Я пугаюсь и смотрю на нее. У нее бледное, опухшее лицо. Мне приходит в голову, что я мог не заметить какого-нибудь органического заболевания. Я подвожусь к окну, смотрю ей в горло. Она слегка противится, как все женщины, у которых вставные зубы. Я думаю про себя, что ведь ей это не нужно. Рот открывается, я вижу справа большое белое пятно, а немного поодаль странный нарост, похожий на носовую раковину; я вижу его сероватую кору. Я подзываю тотчас же докторам., который повторяет исследование и подтверждает его... У доктора М. совершенно другой вид, чем обыкновенно. Он очень бледен, хромает и почему-то без бороды... Мой друг Отто стоит теперь подле меня, а друг Леопольд исследует ей легкие и говорит: «У нее притупление слева внизу». Он указывает еще на инфильтрацию в левом плече (несмотря на надетое платье, я тоже ощущаю ее, как и он)... М. говорит: «Несомненно, это инфекция. Но ничего, у нее будет дизентерия, и яд выделится...» Мы тоже сразу понимаем, откуда эта инфекция. Друг Отто недавно, когда она почувствовала себя нездоровой, впрыснул ей препарат пропила – пропилен... пропиленовую кислоту... триметиламин (формулу его я вижу ясно перед глазами)... Такой инъекции нельзя делать легкомысленно... По всей вероятности, и шприц был не совсем чист.

Сновидение это имеет перед другими одно преимущество. Тотчас же ясно, с каким событием прошедшего дня оно связано и какой темы касается. Предварительное сообще-

ние дает полное этому освещение. Сообщение Отто относительно здоровья Ирмы, историю болезни которой я писал до позднего вечера, занимало мою душевную деятельность и во время сна. Тем не менее никто, ознакомившись с предварительным сообщением и с содержанием сновидения, не может все же предполагать, что означает мое сновидение. Я и сам этого не знаю. Я удивляюсь болезненным симптомам, на которые указывает мне Ирма в сновидении, так как они совсем не похожи на те, какие я у нее лечил. Я улыбаюсь бессмысленной идее об инъекции пропиленовой кислоты и утешению доктора М. Сновидение в конце своем кажется мне более туманным и непонятным, чем вначале. Чтобы истолковать все это, я произвожу подробный анализ.

Анализ:

Большая зала – много гостей, которых мы принимаем. Мы жили в то лето на улице Бельвю в особняке на небольшом возвышении. Особняк этот был когда-то предназначен для ресторана и имеет поэтому очень высокие комнаты, похожие на залы. Все это мне снилось именно в этом особняке за несколько дней до дня рождения моей жены. Днем жена говорила мне, что в день рождения ждет много гостей, среди них и Ирму. Мое сновидение пользуется этими словами: день рождения жены, много народу, среди них Ирма, мы принимаем гостей в большом зале особняка на Бельвю.

Я упрекаю Ирму в том, что она не приняла моего «решения»; я говорю ей: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата только ты сама». Я мог бы сказать ей это и наяву, может быть, и говорил даже. Тогда я придерживался того взгляда (впоследствии я в нем разуверился), что моя задача ограничивается сообщением больному скрытого смысла его симптомов: принимают ли они такое «решение» или нет, от которого затем зависит весь успех лечения, за это я уже не ответственен. По фразе, которую я сказал Ирме, я замечаю, что прежде всего не хочу быть виноватым в тех болях, которые она еще чувствует. Если в них виновата сама Ирма, то не могу быть виноватым я. Не следует ли в этом направлении искать смысла сновидения?

Жалобы Ирмы: боль в горле, желудке, животе; ее всю стягивает. Боли в желудке относятся к обычным болезненным симптомам моей пациентки, но прежде они не так ее беспокоили, она жаловалась только на тошноту и рвоту. Боли же в горле и животе почти не играли в ее болезни никакой роли. Я удивляюсь, почему сновидение остановилось именно на этих симптомах, но пока это остается для меня непонятным.

У нее бледное и опухшее лицо. У моей пациентки был всегда розовый цвет лица. Я предполагаю, что она в сновидении заменена другим лицом.

Я пугаюсь при мысли, что мог не заметить у нее органического заболевания. Это вполне естественный, постоянный страх специалиста, который повсюду видит почти исключительно невротиков и привыкает относить на счет истерии почти все явления, которые кажутся другим врачам органическими. С другой стороны, мною овладевает – я и сам не знаю откуда – легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем добросовестен. Если боли у Ирмы имеют органическую подкладку, то опять-таки я не обязан лечить их. Мое лечение устраняет только истерические боли. Мне чуть ли не кажется, будто я хочу такой ошибки в диагнозе; тем самым был бы устранен упрек в неудачном лечении.

Я подвожу ее к окну и хочу посмотреть ей горло. Она сопротивляется немного, как женщины, у которых фальшивые зубы. Я думаю, что ведь ей это вовсе не нужно. Мне никогда не приходилось осматривать у Ирмы горло. Сновидение напоминает мне о произведенном мною недавно исследовании одной гувернантки, производившей впечатление молодой красивой женщины; перед тем как открыть рот, она старалась скрыть свою фальшивую челюсть. С этим связываются другие воспоминания о врачебных исследованиях и маленьких тайнах, которые раскрываются при этом. – «Это ведь ей не нужно», – это для Ирмы комплимент. Я подозреваю, однако, еще и другое значение. При внимательном анализе всегда чувствуешь, исчерпаны ли все задние мысли или нет. Поза, в которой Ирма стоит у окна, вызывает во мне

неожиданно другое воспоминание. У Ирмы есть близкая подруга, к которой я отношусь с большим уважением. Когда я однажды вечером пришел к ней, я застал ее в таком же положении у окна, и ее врач, все тот же доктор М., заявил мне, что у нее в горле дифтеритные налеты. Личность доктора М. и налеты воспроизводятся в дальнейшем ходе сновидения. Я вспоминаю, что в последние месяцы часто думал о том, что эта подруга Ирмы тоже истеричка. Даже больше: Ирма сама мне говорила об этом. Что известно мне, однако, о ее состоянии? Только одно то, что она также страдает истерическим сжиманием горла, как и Ирма в моем сновидении. Таким образом, сновидение заменило мою пациентку ее подругой, далее я вспоминаю, что у меня часто появлялась мысль, что эта подруга может также обратиться ко мне с просьбой избавить ее от болезненных симптомов. Я считал, однако, это невероятным, так как у нее чрезвычайно сдержанная, скрытная натура. Она сопротивляется, это мы видим и в сновидении. Другое объяснение гласило бы, что ей это не нужно, она действительно до сих пор превосходно владела собою без всякой посторонней помощи. Остается, однако, еще несколько деталей, которые не подходят ни к Ирме, ни к ее подруге: бледность, опухший вид, фальшивые зубы. Фальшивые зубы приводят меня к вышеупомянутой гувернантке; я склонен удовлетвориться объяснением *плохих* зубов. Но вдруг вспоминается еще другая особа, к которой могут относиться эти детали. Она тоже не лечится у меня, и мне бы не хотелось иметь ее своей пациенткой, так как я заметил, что она стесняется меня и поэтому лечить ее будет трудно. Она обычно очень бледна, и иногда лицо у нее бывает опухшим. Я сравнивал, таким образом, мою пациентку Ирму с двумя другими особами, которые в равной мере воспротивились бы лечению. Почему же, спрашивается, я смешал ее во сне с подругой? Быть может, я умышленно совершил подмену. Подруга Ирмы вызывает во мне, быть может, более сильную симпатию или же я более высокого мнения об ее интеллектуальности. Дело в том, что я считаю Ирму неумной потому, что она осталась недовольной моим лечением. Другая была бы умнее и наверно бы согласилась со мною. Рот все-таки открывается, она рассказала бы мне больше, чем Ирма.

Что я вижу в горле: белый налет и покрытые серою корою носовые раковины. Белый налет напоминает мне о дифтерите, а тем самым о подруге Ирмы, кроме того, однако, и о тяжелом заболевании моей старшей двухлетней дочери и обо всем ужасе того времени. Кора на носовой раковине напоминает мне заботы о моем собственном здоровье. Я прибегал тогда часто к кокаину во время неприятного опухания носовой раковины и несколько дней назад слышал, что у одного моего пациента от кокаина сделался некроз слизистой оболочки носа. Исследование о кокаине, произведенное мною в 1885 году, навлекло на меня тяжелые упреки. Близкий друг, умерший в 1895 году, благодаря злоупотреблению этим средством ускорил свою смерть.

Я подзываю поспешно доктора М., который повторяет мое исследование. Это вполне естественно при той репутации, которой пользовался в нашем кругу доктор М. Но то, что я делаю это поспешно, требует особого объяснения. Это напоминает мне об одном печальном событии. Однажды благодаря продолжительному прописыванию средства, считавшегося в то время вполне невинным (сульфонала), я вызвал у одной пациентки тяжелую интоксикацию и поспешно обратился по этому поводу за помощью к более опытному пожилому коллеге. То, что мне припомнился этот случай, подтверждается еще и другим обстоятельством. Пациентка, заболевшая от интоксикации, носила то же имя, что и моя старшая дочь. До сих пор мне никогда это не приходило в голову. Теперь же мне это кажется своего рода роковым совпадением, как будто здесь продолжается замещение лиц. Эта Матильда вместо той Матильды. Мне представляется, будто я выискиваю возможные случаи, которые могли бы сделать мне упрек в моей недостаточной врачебной добросовестности.

Доктор М. бледен, без бороды, он хромает. Действительно вид доктора М. в последнее время беспокоил его друзей. Две другие черты следует отнести к другому лицу. Мне вспоминается мой старший брат, живущий за границей: он тоже не носит бороды и очень напоминает

доктора М. в том виде, в каком я его видел во сне. От него несколько дней тому назад пришло письмо, в котором он сообщал, что у него заболела нога, он хромает. Смещение обоих лиц в сновидении должно, однако, иметь особую причину. Я вспоминаю действительно, что сердит на обоих по одному и тому же поводу. Оба недавно отклонили предложение, с которым я к ним обратился.

Коллега Отто стоит у больной, а коллега Леопольд исследует ее и указывает на притупление в левом легком. Коллега Леопольд, тоже врач, родственник Отто. Судьбе было угодно, что оба избрали себе одинаковую специальность и стали конкурентами. Их постоянно сравнивают друг с другом. В течение нескольких лет они состояли при мне ассистентами, когда я ведал еще делом помощи нервнобольным детям. Такие сцены, как та, которую я видел во сне, бывали очень часты. В то время как я спорил с Отто относительно диагноза одного случая, Леопольд подверг пациента новому исследованию и привел неожиданное доказательство в пользу моего мнения. Между ними существовала такая же разница в характерах, как между инспектором Брезигом и его другом Карлом. Один из них отличался находчивостью, другой был медлителен, благоразумен, но зато основателен. Сравнивая в сновидении Отто с осторожным Леопольдом, я имел, очевидно, в виду отдать предпочтение второму. Это то же самое сравнение, как и вышеупомянутое: непослушная пациентка Ирма и ее более благоразумная подруга. Теперь я замечаю также один из тех путей, на который передвигается связь мыслей в сновидении: от больного ребенка к институту детских болезней. Притупление в левом легком производит на меня впечатление, точно оно во всех подробностях соответствует тому случаю, когда Леопольд поразил меня своей осторожностью. Мне приходит, кроме того, в голову нечто вроде метастаза, но он относится скорее к пациентке, которую мне бы хотелось иметь вместо Ирмы. Пациентка эта имитирует, насколько я мог заметить, туберкулез.

Инфильтрация на левом плече. Я убежден, что это мой собственный ревматизм плеча, который я ощущаю каждый раз, когда ночью не могу долго уснуть. В этом отношении меня укрепляют слова сновидения: что я... ощущаю так же, как и он. Я хочу этим сказать, что чувствую это в своем собственном теле. Впрочем, мне приходит в голову, как необычно обозначение «инфильтрированный участок». Мы привыкли говорить «инфильтрация слева сзади и сверху»; это обозначение относится к легкому и этим самым опять-таки указывает на туберкулез.

Несмотря на надетое платье. Разумеется, это только вставка. В институте детских болезней мы исследуем детей, конечно, раздетыми; это какое-то противоположение тому, как следует исследовать взрослых пациенток. Об одном выдающемся клиницисте рассказывали, что он производил физикальное исследование своих пациентов только через одежду. Дальнейшее для меня неясно; я откровенно сказал, что я не склонен вдаваться здесь в слишком большие подробности.

Доктор М. говорит: «Это инфекция, но ничего. Будет дизентерия, и яд выделится». Это кажется мне сперва смешным, но, как и все остальное, я подвергаю и это анализу. При ближайшем рассмотрении и это имеет свой смысл. Исследуя пациентку, я нашел у нее локальный дифтерит. Во время болезни моей дочери я вел, помнится, спор, относительно дифтерита и дифтерии. Последняя представляет собою общую инфекцию, проистекающую от локального дифтерита. О такой инфекции говорит Леопольд, указывая на притупление, заставляющее предполагать наличие метастаза. Мне кажется, однако, что при дифтерии такие метастазы не имеют места. Они напоминают мне скорее пиемию.

Но ничего. Это утешение. По моему мнению, оно имеет следующий смысл: конец сновидения показывает, что боли пациентки проистекают от тяжелого органического заболевания. Мне представляется, что и этим я хочу свалить с себя всякую ответственность. Психический метод лечения неповинен в наличии дифтерита. Мне все же неловко, что я приписываю Ирме такое тяжелое заболевание исключительно с той целью, чтобы себя выгородить.

Это слишком жестоко. Мне необходимо, таким образом, высказать убеждение в благоприятном исходе, и я довольно удачно вкладываю это утешение в уста доктора М. Я поднимаюсь здесь, так сказать, над сновидением, но это требует особого объяснения.

Почему же, однако, это утешение настолько абсурдно?

Дизентерия. Я встречал как-то теоретическое утверждение, будто болезненные вещества могут быть выделены через кишечник. Быть может, я хочу посмеяться здесь над слишком натянутыми объяснениями, над странными патологическими соединениями доктора М. Но по поводу дизентерии я вспоминаю еще и другое. Несколько месяцев тому назад я лечил одного молодого человека, страдавшего довольно своеобразным заболеванием желудка. Другие коллеги трактовали этот случай как «анемию с ослабленным питанием». Я определил, что заболевание это – истерического происхождения, но не хотел подвергнуть его психотерапии и послал его в морское путешествие. Несколько дней тому назад я получил от него отчаянное письмо из Египта; он испытал там тяжелый припадок, и врач нашел у него дизентерию. Я хотя и был убежден, что диагноз этот является лишь ошибкой малоопытного коллеги, принимающего истерию за серьезное органическое заболевание, но я не мог, однако, не сделать себе упрека в том, что дал возможность пациенту помимо истерии получить еще и органическое заболевание. Дизентерия звучит, кроме того, аналогично дифтерии; последняя, однако, не упоминается в сновидении.

Да, наверное, я хочу посмеяться над доктором М., ставя утешительный прогноз: будет дизентерия и так далее. Я вспоминаю, что несколько лет назад он рассказывал мне аналогичный случай об одном коллеге. Последний пригласил его на консультацию к одной тяжело больной. Он счел своим долгом сказать ему, что нашел у пациентки белок в моче. Коллега не смутился и ответил спокойно: «Ничего не значит, коллега, белок выделится». Не подлежит, таким образом, сомнению, что в этой части сновидения содержится насмешка над коллегой, не знающим толку в истерии. Словно в подтверждение этого возникает мысль: а знает ли доктор М., что явления, наблюдающиеся у его пациентки, подруги Ирмы, заставляющие опасаться наличия туберкулеза, следует отнести также на счет истерии? Распознал ли он эту истерию или проглядел ее?

Какие же мотивы могут быть у меня для такого дурного отношения к коллеге? Это очень просто: доктор М. столь же мало согласен с моим «решением» в психоанализе Ирмы, как и сама Ирма. Я, таким образом, отомстил в этом сновидении уже двум лицам; Ирме словами: «Если у тебя есть еще боли, то в этом виновата ты сама», и доктору М., вложив ему в уста столь абсурдное утешение.

Мы понимаем тотчас же, откуда инфекция. Это непосредственное знание в сновидении весьма странно. Ведь мы только что этого не знали, и на инфекцию первый раз указал Леопольд.

Коллега Отто сделал ей инъекцию, когда она чувствовала себя плохо. Отто действительно рассказывал, что во время пребывания в семье Ирмы его неожиданно позвали к соседям, и он сделал там инъекцию одной даме, почувствовавшей себя внезапно дурно. Инъекция напоминает мне моего злосчастного друга, отравившегося кокаином. Я прописал ему это средство лишь для внутреннего употребления; он же сделал себе впрыскивание.

Препарат пропила... пропилен... пропиленовая кислота. Почему пришло мне это в голову? В тот вечер, когда я писал историю болезни, моя жена раскрыла бутылку ликера, на этикетке которой стояло название «Ананас». Ликер этот подарил нам коллега Отто; у него была привычка делать подарки по всякому поводу. Вероятно, он будет от этого отучен когда-нибудь женой. У этого ликера был такой запах сивушного масла, что я отказался даже его попробовать. Моя жена хотела отдать бутылку слугам, но я не позволил этого, сказав, что они могут еще отравиться. Запах сивухи (амил...) пробудил во мне, очевидно, воспоминание о целом ряде: пропилен, метил и так далее. Сновидение произвело, однако, перемену: мне снился

пропил после того, как я слышал запах амила, но такие замены позволительны даже в органической химии.

Триметиламин. Я видел ясно перед собою химическую формулу этого вещества, что доказывает, во всяком случае, чрезвычайное напряжение памяти, и формула эта была напечатана жирным шрифтом, как будто из контекста хотели выделить нечто особенно важное. К чему же такому, на что я должен обратить особое внимание, приводит меня триметиламин? Мне вспоминается разговор с одним из моих друзей, который в течение многих лет постоянно был осведомлен о моих работах. Он сообщил мне тогда о своем исследовании в области сексуальной химии и между прочим сказал, что находит в триметиламине один из продуктов сексуального обмена веществ. Это вещество приводит меня, таким образом, к сексуальности – к тому моменту, которому я придаю наибольшее значение в возникновении нервных болезней. Моя пациентка Ирма – молодая вдова; если я постараюсь оправдать неуспех моего лечения, то мне целесообразнее всего сослаться на то обстоятельство, которое так бы хотели изменить ее ближайшие друзья. Какое странное сплетение представляет все же собою сновидение?

Другая пациентка, которую мне бы хотелось в сновидении иметь вместо Ирмы, тоже молодая вдова.

Я начинаю понимать, почему я так ясно видел в сновидении формулу триметиламина. Этот химический термин имеет чрезвычайно важное значение: триметиламин не только свидетельствует о весьма существенном значении сексуальности, но напоминает мне об одном человеке, об одобрении которого я думаю с удовлетворением, когда чувствую себя одиноким в своих воззрениях. Неужели же этот коллега, игравший в моей жизни столь видную роль, не окажет известного влияния на дальнейший ход в сновидении? Я не ошибаюсь: он специалист в ринологии. Он интересовался чрезвычайно интересным взаимоотношением носовой раковины и женских половых органов (три странных нароста в горле Ирмы). Я дал ему исследовать Ирму, предполагая, что ее боли в желудке следует отнести на счет носового заболевания. Сам он, однако, страдает гноетечением из носа; последнее меня озадачивает, и по всей вероятности, сюда относится пиемия, о которой я думаю, принимая во внимание метастаз в сновидении.

Такую инъекцию нельзя производить легкомысленно. Упрек в легкомыслии я делаю непосредственно коллеге Отто. Мне представляется, что нечто подобное я подумал в тот день, когда Отто словами и взглядом выразил свое несогласие со мною. Мысль была, по всей вероятности, такова: как легко он поддается влиянию, как он скороспел в своих суждениях. Кроме того, упрек в легкомыслии вызывает во мне снова воспоминание о покойном друге, сделавшем себе кокаиновую инъекцию. Давая ему это средство, я, как уже упоминал выше, не имел в виду инъекции. Упрек, делаемый мною коллеге Отто в легкомысленном обращении с опасным химическим веществом, свидетельствует о том, что я снова вспомнил историю той несчастной Матильды, которая могла бы мне сделать аналогичный упрек. Я собираюсь здесь, по-видимому, доказать свою добросовестность, но вместе с тем доказываю обратное.

По всей вероятности, шприц не был чистым. Новый упрек коллеге Отто, имевший, однако, другие основания. Вчера я случайно встретил сына одной 82-летней дамы, которой я ежедневно делаю два впрыскивания морфия. Она живет на даче, и я слышал, что она заболела воспалением вен. Я тотчас же подумал, что, может быть, в этом повинно загрязнение шприца. Я горжусь тем, что в течение двух лет мои впрыскивания приносили только пользу; я постоянно забочусь о чистоте шприца. От воспаления вен я перехожу мысленно к моей жене, которая во время беременности страдала венозным тромбозом. В моей памяти всплывают три аналогичных ситуации: моя жена, Ирма и покойная Матильда, тождество которых мне, очевидно, дало право смешать в сновидении эти три лица.

Я закончил толкование сновидения. Во время анализа я старался сообщать все те мысли, к которым меня приводило сравнение содержания сновидения со скрытым за ним смыслом.

Я подметил свои желания и намерения, осуществившиеся в сновидении и бывшие, очевидно, мотивами последнего. Сновидение осуществляет несколько желаний, проявившихся во мне благодаря событиям последнего вечера (сообщение Отто и составление истории болезни). Результат сновидения: я неповинен в продолжающейся болезни Ирмы, виноват в этом Отто. Отто рассердил меня своим замечанием относительно недостаточного лечения Ирмы. Сновидение отомстило ему за меня, обратив на него тот же упрек. Сновидение освободило меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя последнее к другим моментам (сразу целый ряд обоснований). Оно создало именно ту ситуацию, какую мне хотелось;

его содержание является, таким образом, осуществлением желания, – его мотив – желание.

Это несомненно. Но с точки зрения осуществления желания становятся мне неясными некоторые детали сновидения. Я мщу Отто не только за его скороспелое суждение о моем лечении, приписывая ему неосторожность (инъекцию), но мщу ему также и за скверный ликер с сивушным запахом. В сновидении оба упрека соединяются в одно: в инъекцию препарата пропила, пропиленом. Я, однако, еще не вполне удовлетворен и продолжаю свою месть, противопоставляя ему более способного конкурента. Этим я хочу, по-видимому, сказать: он мне симпатичнее, чем ты. Однако не один только Отто испытывает тяжесть моей досады и мести. Я мщу и своей непослушной пациентке, заменяя ее более благоразумной и послушной. Я не прощаю упрека и доктору М., а в довольно прозрачной форме высказываю ему свое мнение, что он в этих делах довольно невежествен («будет дизентерия» и так далее). Мне кажется даже, что я апеллирую к более знающему (моему другу, сообщившему мне о триметилаmine), все равно как от Ирмы обращаюсь к ее подруге и от Отто к Леопольду. Уберите от меня этих лиц, замените их тремя другими по моему выбору, тогда я отделаюсь от упреков, совершенно мною незаслуженных. Неосновательность этих упреков обнаруживается очень ярко в сновидении. В болезни Ирмы я не повинен: она сама виновата в ней, не приняв моего «решения». Ее болезнь меня не касается, она органического происхождения и не поддается излечению психотерапией. Страдания ее вполне объясняются ее вдовством (триметиламин), которого я, понятно, изменить не могу. Они вызваны неосторожной инъекцией; Отто впрыснул вещество, которым я никогда не пользовался. В болезни Ирмы виновата инъекция грязным шприцем, все равно как в воспалении вен у моей пожилой пациентки.

Я замечаю, однако, что эти объяснения болезни Ирмы, оправдывающие меня, не совпадают между собою, а скорее исключают друг друга. Вся эта путаница – а ничем иным является это сновидение – живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что он вернул ему взятую у него кастрюлю в негодном виде. Во-первых, он вернул ее в неприкосновенности; во-вторых, кастрюля была уже дырявой, когда он ее взял, а в-третьих, он вообще не брал у него кастрюли. Но тем лучше: если хоть один из этих доводов окажется справедливым, человек этот должен быть оправдан.

В сновидении имеются еще и другие элементы, отношение которых к моему оправданию не столь очевидно: болезнь моей дочери и пациентки, ее тезки, вред кокаина, болезнь моего пациента, путешествующего по Египту, заботы о здоровье жены, брат, доктор М., мой собственный недуг, заботы об отсутствующем друге, страдавшем гноетечением из носа. Если, однако, я соберу все это в одно целое, то увижу, что за всем этим скрывается лишь забота о здоровье, о своем собственном и о чужом, врачебная добросовестность. Мне припоминается смутно неприятное ощущение, испытанное мною при сообщении Отто о состоянии здоровья Ирмы. Из круга мыслей, принимающих участие в сновидении, я мог бы дополнительно дать следующее выражение этому мимолетному ощущению. Мне кажется, будто он мне сказал: «Ты недостаточно серьезно относишься к своим врачебным обязанностям, ты недостаточно добросовестен, ты не исполняешь своих обещаний». Вслед за этим я воспользовался всеми этими мыслями, чтобы доказать, насколько я добросовестен и насколько я забочусь о здоровье

своих близких, друзей и пациентов. Станным образом среди этих мыслей оказались и неприятные воспоминания, говорящие скорее за справедливость упрека, сделанного мною коллеге Отто, чем в пользу моих извинений. Весь материал, по-видимому, беспристрастен, но связь этого базиса, на котором покоится сновидение, с более узкой темой последнего, из которого проистекает желание оправдаться в болезни Ирмы, все же очевидна.

Я отнюдь не утверждаю, что вполне раскрыл смысл этого сновидения и толкование его лишено каких бы то ни было пробелов.

Я мог бы продолжать этот анализ и разьяснять еще много различных деталей. Мне известны даже те пункты, из которых можно проследить различные ассоциации; многие соображения, неизбежные при всяком анализе своего собственного сновидения, мешают, однако, мне это сделать. Кто хотел бы упрекнуть меня в скрытности, тому я рекомендую самому попробовать быть откровенным до конца. Я удовольствуюсь поэтому установлением делаемого мною отсюда вывода: если проследить указанный здесь метод толкования сновидений, то оказывается, что **сновидение действительно имеет смысл и ни в коем случае не является выражением ослабленной мозговой деятельности, как говорят различные авторы. Согласно произведенному нами толкованию, сновидение является осуществлением желания.**

Сновидение – осуществление желания

Миновав тесное ущелье и выйдя неожиданно на возвышенность, откуда дорога расходится во все стороны и открывает превосходнейший вид, можно остановиться на минуту и подумать, куда лучше направить шаги. На том же распутье стоим мы после первого толкования сновидения. Нас поражает ясность неожиданной истины. Сновидение не похоже на неправильную игру музыкального инструмента, которого коснулась не рука музыканта, а какая-то внешняя сила, – оно не бессмысленно, не абсурдно, оно не предполагает, что часть нашей души спит, а другая начинает пробуждаться. Сновидение – полноценное психическое явление. Оно – осуществление желания. Оно может быть включено в общую цепь понятных нам душевных явлений бодрственной жизни. Оно было построено с помощью чрезвычайно сложной интеллектуальной деятельности. Но, познав эту истину, мы в тот же момент останавливаемся перед целым рядом вопросов. Если сновидение, согласно его толкованию, представляет собою осуществление желания, то откуда же проистекает та странная и причудливая форма, в которую облекается последнее? Какие изменения претерпевают мысли, преобразовываясь в сновидение, о котором мы вспоминаем по пробуждении? Откуда проистекает тот материал, который перерабатывается в сновидении? Откуда проистекают те особенности мыслей, которые мы отметили, как например, то, что они противоречат друг другу? (См. вышеупомянутую аналогию с кастрюлей.) Может ли сновидение научить нас чему-либо новому относительно наших внутренних психических переживаний, может ли содержание его внести какие-либо поправки в наши убеждения, воззрения? Я считаю нужным оставить пока все эти вопросы в стороне и пойти по другому пути. Мы видели, что сновидение изображает желание в его осуществленной форме. В наших ближайших интересах узнать, является ли это общей характерной чертой всех сновидений или же случайным содержанием лишь одного, с которого начался наш анализ. Ибо, даже если бы мы поверили в то, что каждое сновидение имеет свой смысл и свою психическую ценность, **мы должны были бы предполагать, что этот смысл не во всяком сновидении одинаков. Наше первое сновидение было осуществлением желания, второе представляет, быть может осуществление опасения, третье может иметь своим содержанием рефлекс, четвертое может воспроизвести попросту какое-нибудь воспоминание и т. п.** Бывают ли, таким образом, сновидения, не содержащие в себе осуществления желания?

Легко показать, что сновидения зачастую носят настолько ясный характер осуществления желания, что приходится удивляться, почему язык сновидения до сих пор казался таким непонятным. Вот, например, сновидение, которое я могу вызвать у себя когда угодно. Если я вечером ем сардельки, оливки или другие какие-либо соленые кушанья, то ночью у меня появляется жажда, и я просыпаюсь. Перед пробуждением, однако, я вижу сновидение постоянно с одним и тем же содержанием: мне снится, что я пью. Я пью залпом воду; мне это доставляет большое удовольствие, как всякому, кто томится жаждой. Затем я просыпаюсь и действительно очень хочу пить. Поводом к такому постоянному сновидению служит жажда, которую я испытываю при пробуждении. Из этого ощущения проистекает желание пить, и сновидение представляет это желание в осуществленном виде. Сновидение исполняет при этом функцию, о которой я скажу несколько ниже. Сон у меня хороший; когда мне удастся утолить свою жажду тем, что мне снится, будто я выпил воды, то я так и не просыпаюсь. Таким образом, это – сновидение об удобстве. Сновидение заступает место поступка, который должен был бы быть совершен в жизни. К сожалению, потребность в воде не может быть удовлетворена сновидением, как моя мстительность по отношению к коллеге Отто и доктору М.; но желание и тут и там одинаково. Как-то недавно сновидение это было несколько модифицировано. Перед сном мне захотелось пить, и я выпил стакан воды, стоявшей на столике возле моей постели. Несколько

часов спустя мне снова захотелось пить, и я испытал чувство неудовлетворенности, неудобства. Чтобы достать воды, мне нужно было встать и взять стакан, стоявший на столике возле постели жены. Согласно этому мне и приснилось, что жена дает мне напиток из большого сосуда; сосуд этот – старая этруская урна, привезенная мною из Италии и подаренная мною одному из моих знакомых. Вода в ней показалась мне настолько соленой (по всей вероятности, от пепла, бывшего в урне), что я проснулся. Отсюда ясно, какое «удобство» может создать сновидение: так как его единственной целью является осуществление желания, то оно может быть вполне эгоистично. Любовь к удобству несовместима с альтруизмом. Наличие урны, по всей вероятности, является снова осуществлением желания. Мне жаль, что у меня нет этой урны, – все равно как, впрочем, и того, что стакан с водою стоит подле жены. Урна приспособляется также и по отчетливому ощущению соленого вкуса, который заставил меня проснуться.

Эти сновидения об «удобстве» я видел очень часто в молодости. Привыкши работать до поздней ночи, я всегда с трудом просыпался вовремя. Мне снилось очень часто, что я уже встал и стою перед умывальником. Спустя несколько мгновений я все же начинал сознавать, что еще лежу в постели, но продолжал спать. Такое же сновидение, проявившееся в особенно остроумной форме, сообщил мне один мой юный коллега, любивший, как и я, поспать. Хозяйка, у которой он жил неподалеку от больницы, имела строгий приказ будить его каждое утро, но ей всегда приходилось долго мучиться, пока он просыпался. Однажды утром он спал особенно крепко; хозяйка постучала в комнату и сказала: «Господин Пеппи, вставайте, вам пора в больницу». Ему тотчас же приснилась комната в больнице, кровать, на которой он лежал, и дощечка у изголовья, на которой написано: Пеппи Г., кандидат медицины, 22-х лет. Он подумал во сне: «Раз я уже в больнице, значит, мне туда уже не нужно идти», – повернулся и продолжал спать. При этом он откровенно признался себе в мотиве своего сновидения.

В другом сновидении раздражение производит свое действие тоже во сне: одна из моих пациенток, подвергшаяся довольно неудачной операции челюсти, должна была по предписанию врача постоянно держать охлаждающий аппарат на больной щеке. Засыпая, она обычно его с себя сбрасывала. Однажды меня попросили сделать ей выговор за это; тем не менее она сбросила опять аппарат на пол. Пациентка оправдывалась: «На этот раз я действительно не виновата; это было результатом сновидения, которое я видела сегодня ночью. Мне снилось, что я была в опере, в ложе, и с интересом следила за представлением. В санатории же лежал господин Карл Мейер и громко стонал от головной боли. Я сказала себе, что у меня ничего не болит и что аппарат больше не нужен. Поэтому-то я его и сбросила». Это сновидение бедной страдальницы звучит как изображение оборота речи, который напрашивается на уста человеку, находящемуся в неприятном положении: я желал бы получить большее удовольствие. Сновидение рисует это большее удовольствие. Господин Карл Мейер, которому пациентка приписала свои болезненные ощущения, был ее самым далеким знакомым, о котором она могла вспомнить.

Нетрудно раскрыть осуществление желаний в некоторых других сновидениях, сообщенных мне здоровыми лицами. Один мой коллега, знакомый с моей теорией сновидений и рассказавший о ней своей жене, говорит мне однажды: «Знаешь, моей жене вчера снилось, что у нее началась менструация. Интересно, как истолкуешь ты это сновидение». Это очень нетрудно: если молодой женщине снилось, что у нее менструация, значит в действительности ее не было. Я знаю, что ей хотелось бы до первого материнства попользоваться свободой. Это был удобный способ указать на признаки ее первой беременности. Другой коллега пишет мне, что его жене недавно снилось, что она заметила на сорочке молочные пятна. Это тоже признак беременности, но не первой; молодая мать желает себе иметь для второго ребенка больше молока, чем она имела в свое время для первого.

Одной молодой женщине, ухаживающей за своим заразно больным ребенком и отрезанной по этой причине от всего света, снится после счастливого окончания болезни большое общество, в котором находятся Альфонс Додэ, Поль Бурже, Марсель Прево и другие; все они

чрезвычайно к ней любезны, и они превосходно проводят время. Писатели во сне очень похожи на свои портреты, которые ей пришлось видеть. За исключением Прево – она его портрета не знает, и он напоминает ей человека, который накануне дезинфицировал комнату больного и который был первым посетителем ее дома после долгого времени. Сновидение это можно объяснить целиком: пора уже немного развлечься, довольно уже этих забот и мучений!

Этих примеров, быть может, достаточно, чтобы показать, что очень часто и при всевозможных условиях можно найти сновидения с чрезвычайно ярко выраженным осуществлением желаний, которые выявляют свое содержание в незамаскированном виде. Это по большей части короткие и простые сновидения, резко отличающиеся от спутанных и продолжительных, главным образом обращающих на себя внимание исследователей. Однако такие простые сновидения заслуживают несколько более подробного рассмотрения. Наипростейшая форма сновидений должна была бы быть, казалось, наиболее распространенной среди детей, психическая деятельность которых, безусловно, менее сложна, чем у взрослых. Детская психология призвана, на мой взгляд, оказывать психологии взрослых аналогичные услуги, как изучение строения и развития низших животных – изучению структуры высших. До сих пор, однако, к сожалению, детская психология в этом смысле не была в достаточной мере использована.

Сновидения маленьких детей представляют собою очень часто явные осуществления желаний и поэтому в противоположность сновидениям взрослых почти совершенно неинтересны. Они не содержат никаких трудноразрешимых загадок, но, безусловно, чрезвычайно ценны как доказательство того, что сновидение по самой своей сущности представляет собою осуществление желания. Я приведу здесь несколько сновидений, виденных моими собственными детьми.

Прогулке в красивый Галльштатт (летом 1896 г.) я обязан двумя сновидениями, виденными – одно моею тогда восьмилетней дочерью, другое – пятилетним сыном. Предварительно я должен заметить, что мы в это лето жили в Аусзее, откуда в хорошую погоду нам открывался превосходный вид на Дахштейн. В подзорную трубу хорошо виден был Симонигютте. Дети очень часто смотрели на него в подзорную трубу; не знаю, с каким успехом. Перед прогулкой я рассказывал детям, что Галльштатт лежит у подножия Дахштейна. Прогулке они радовались. Из Галльштатта мы прошли в Эшернталь, который привел детей в восхищение своими сменяющимися пейзажами. Только один мой пятилетний сын стал вдруг капризничать; как только мы видели новую гору, он тотчас же спрашивал: «Это – Дахштейн?» Я вынужден был отвечать: «Нет». Предложив несколько раз этот вопрос, он замолчал, недовольный. К водопаду он совсем отказался идти. Я подумал, что он устал. На следующее утро он пришел ко мне с сияющим лицом и заявил: «Сегодня ночью мне снилось, что я был на Симонигютте». Я понял его: он ожидал, что по дороге в Галльштатт мы увидим гору, о которой дети так много слышали. Когда он затем понял, что горы он не увидит и ему придется удовлетвориться небольшим холмом и водопадом, он испытал разочарование. Сновидение вознаградило его за это. Я стал его расспрашивать о подробностях сновидения. Но он сообщил мне очень мало. Как он слышал, «туда нужно идти шесть часов».

Во время этой прогулки и у моей восьмилетней дочери появилось желание, которое тоже было удовлетворено сновидением. Мы взяли с собой в Галльштатт двенадцатилетнего сына наших соседей, совершенного рыцаря, завоевавшего, как мне казалось, все симпатии маленькой девочки. На следующее утро она мне рассказала следующее сновидение: «Представь себе, мне снилось, что Эмиль – мой брат, что он говорит вам «папа» и «мама» и спит вместе с нами в большой комнате. В комнату вдруг вошла мама и бросила нам под постели целую горсть шоколадных конфет в синих и зеленых бумажках». Братья ее, которым умнее толковать сновидения не передалось по наследственности, объяснили его точь-в-точь так, как наши авторы: это сновидение – бессмыслица. Девочка же заступилась, по крайней мере, за одну часть сновидения, и для теории неврозов интересно будет знать, за какую именно часть: «Ерунда то,

что снилось про Эмиля, но не то, что касалось конфет!» Мне самому последнее показалось непонятным. Но жена дала мне по этому поводу разъяснение. По дороге с вокзала домой дети остановились перед автоматом и попросили мать опустить монету, чтобы получить шоколад. Мать, однако, нашла, что этот день и так был достаточно богат осуществлениями желаний и предоставила это желание сновидению. Я на сцену эту не обратил внимания. Другую часть сновидения, отвергнутую даже самую дочь, я понял без всяких комментариев. Я сам слышал, как маленький Эмиль по дороге говорил детям, что надо подождать папу и маму. Эту временную принадлежность к нашему семейному кругу сновидение девочки превратило в длительное усыновление. Почему шоколадные конфеты были брошены под постели, этого объяснить без расспросов ребенка было, конечно, невозможно.

Сновидение, аналогичное сновидению моего мальчика, я слышал от одного моего друга. У него восьмилетняя дочь. Отец вместе с несколькими детьми предпринял прогулку в Доррибах с намерением посетить Рорергютте; но так как было уже поздно, то они не добрались до цели, и он обещал пойти туда с детьми в следующий раз. На обратном пути они прошли мимо верстового столба, указывающего дорогу на Гамо. Дети захотели отправиться тотчас же на Гамо, но отец отложил и эту прогулку до следующего дня. На следующее утро восьмилетняя девочка рассказала отцу: «Папа, сегодня ночью мне снилось, что ты был с нами в Рорергютте и на Гамо». Ее нетерпение предвосхитило, таким образом, в сновидении исполнение отцовского обещания.

Столь же прямолинейно и другое сновидение, вызванное у моей в то время 3-летней дочурки красивым видом Аусзее. Девочка в первый раз ехала по воде, и поездка показалась ей чересчур короткой. Когда мы пристали к берегу, она не хотела выходить из лодки и горько плакала. На следующее утро она рассказала: «Сегодня ночью я каталась по озеру». Будем надеяться, что продолжительность этой поездки во сне более удовлетворила ее.

Моему старшему, в то время 8-летнему, сыну снилась реализация его фантазии. Он ехал вместе с Ахиллом в его колеснице, которой управлял Диомед. Накануне он восхищался греческой мифологией, книжкой, подаренной его старшей сестре.

Если мы прославляем детство за то, что оно еще не знает сексуальных страстей, то мы не должны забывать, каким богатым источником разочарований, лишений, а вместе с тем и побудительным поводом к сновидениям может стать для него другая важная жизненная потребность.

Вот еще пример этому. Мой 22-месячный племянник должен был поздравить меня с днем рождения и преподнести мне в подарок корзиночку с вишнями, которые в это время года считаются еще новинкой. Эта задача давалась ему, по-видимому, с трудом, так как он повторял беспрестанно: «Здесь вишни». Его нельзя было заставить выпустить из рук корзиночку. Но он сумел все же вознаградить себя. До сих пор он каждое утро рассказывал матери, что ему снился «белый солдат», гвардейский офицер в плаще, которого он когда-то встретил на улице. На следующий день после жертвы, принесенной им в день моего рождения, он проснулся довольный со словами: «Герман съел все вишни».

Что снится животным, я не знаю. Немецкая поговорка, на которую обратил внимание один из моих слушателей, по-видимому, осведомленнее меня в этом отношении, так как она на вопрос: «Что снится гусям?» отвечает: «Кукуруза». Вся теория, утверждающая, что сновидение представляет собою желания, содержится в этих двух фразах. Мы видим, что мы могли бы достичь нашего учения о скрытом смысле сновидения более короткими путем, если бы мы обратились к общеупотребительным оборотам речи. В последних сновидение представляется обычно осуществлением заветных желаний. «Мне и во сне этого не снилось», – восклицает в восхищении тот, для кого действительность превзошла все ожидания.

Искажающая деятельность сновидения

Если я вздумаю утверждать, что осуществление желаний является смыслом каждого сновидения, то есть что нет других сновидений, кроме как «сновидений о желаниях», то я заранее предвижу самые решительные возражения. Прежде всего мне скажут: «То, что есть сновидения, в которых содержатся осуществления желаний, – это не ново, об этом писали уже многие авторы. То, однако, что нет других сновидений, кроме как означающих осуществление желаний, – это снова одно из тех неправильных обобщений, которое, к счастью, легко может быть опровергнуто. Очень часто встречаются сновидения с самым неприятным содержанием, весьма далекие от какого бы то ни было осуществления желаний». Философ-пессимист Эд. ф. Гартман категорически восстает против теории осуществления желаний. В своей «Философии бессознательного» он говорит: «Что касается сновидения, то вместе с ним переносятся в состояние сна все элементы бодрственной жизни. Не переносится лишь одно до некоторой степени примиряющее культурного человека с жизнью: научный интерес и эстетическое наслаждение...» Но и менее недовольные наблюдатели заметили, что **сновидение чаще изображает недовольство, чем удовлетворение**, как например, Шольц, Фолькельт и др. Даже женщины, Сара Уид и Флоранс Галлам, дали цифровое выражение преобладанию в сновидениях чувства недовольства. 58 % сновидений они называют неприятными и лишь 28,6 % – приятными. Помимо сновидений, воспроизводящих продолжение разных неприятных ощущений бодрственной жизни, есть сновидения страха, в которых нас преисполняет это самое тяжелое из всех неприятных ощущений; таким сновидениям страха особенно подвержены дети (ср. у Дебакера «Über den Pavor nocturnus»), у которых мы утверждаем преобладающую наличность сновидений о желаниях.

Сновидения о страхе как будто действительно исключают возможность обобщения того заключения, что сновидение является осуществлением желания; утверждение это кажется чуть ли не абсурдом.

Тем не менее не так уж трудно опровергнуть эти мнимо справедливые возражения. Необходимо принять лишь во внимание, что наше учение покоится не на рассмотрении явного содержания сновидений, а касается того внутреннего содержания, которое познается лишь после толкования. Составим явное и скрытое содержание сновидения. Не подлежит никакому сомнению, что есть сновидения, явное содержание которых носит самый неприятный характер. Но попытался ли кто-нибудь истолковать эти сновидения, раскрыть их скрытое внутреннее содержание? Если нет, то оба вышеупомянутых возражения сами собою отпадают. Ввиду этого мы можем предположить, что и неприятные сновидения, и сновидения о страхе после толкования их окажутся осуществлениями желаний¹.

В научной работе очень целесообразно в тех случаях, когда разрешение какой-либо проблемы представляет чрезвычайные трудности, привлечь к разрешению еще и другую проблему, подобно тому, как легче расколоть два ореха сразу. Ввиду этого перед нами стоит не только вопрос, каким образом неприятные сновидения и сновидения о страхе могут быть осуществлениями желаний, но на основании наших предыдущих соображений мы можем задать еще и другим вопросом: почему сновидения с самым индифферентным содержанием, оказывающиеся после толкования осуществлениями желаний, не обнаруживают с очевидностью этого своего смысла. Возьмем столь детально анализированное нами сновидение об Ирме. Оно отнюдь не носит неприятного характера и после толкования оказывается чрезвычайно ясным осуществлением желания. Для чего же вообще нужно толкование? Почему сновидение

¹ Положительно невероятно, с каким упорством читатели и критики не хотят принять этого во внимание и пренебрегают существенным различием явного и скрытого содержания сновидений. – *Здесь и далее прим. авт.*

не говорит прямо того, что оно означает? Сновидение об Ирме также не показывает сразу, что оно изображает осуществление желания спящего. Впечатления этого не получает читатель, не получил и я сам до тех пор, пока не произвел анализа. Если мы назовем это странное обращение сновидения с его материалом искажением в сновидении, то тем самым мы зададимся вопросом: откуда происходит такое искажение в сновидении?

На этот вопрос можно ответить самым различным образом, например, можно сказать, что во время сна человек не в состоянии дать соответствующего выражения своим мыслям. Но анализ некоторых сновидений заставляет нас дать искажению в сновидении другое объяснение. Я постараюсь показать это на толковании второго сновидения, которое хотя опять-таки требует большой откровенности с моей стороны, но вознаграждает за эту жертву чрезвычайно рельефным разъяснением проблемы.

Предварительное сообщение. Весною 1897 года два профессора нашего университета внесли предложение о назначении меня экстраординарным профессором. Известие это было неожиданно и обрадовало меня, как выражение дружеского отношения со стороны двух выдающихся ученых. Я подумал тотчас же, однако, что не имею никакого основания связывать с этим каких-либо надежд. Министерство народного просвещения в последние годы не удовлетворило целый ряд таких ходатайств, и несколько моих старших коллег, совершенно равных мне по заслугам, уже много лет тщетно ожидают назначения. У меня не было никаких причин думать, что меня ждет лучшая участь. Я решил, таким образом, ни на что не надеяться. Насколько я сам могу судить, я не честолюбив и успешно занимаюсь своей врачебной деятельностью, не обладая громким титулом. Впрочем, речь шла вовсе не о том, нравился или не нравился мне виноград, все равно он висел слишком высоко.

Однажды вечером меня навестил один мой коллега, один из тех, участь которого заставила меня отказаться от надежд на назначение профессором. Он уже долгое время состоит кандидатом в профессора, титул которого, как известно, превращает врача в нашем обществе в полубога; он менее скромн, чем я, и время от времени навещает в министерство, стараясь ускорить свое назначение. После одного из таких посещений он и явился ко мне. Он сообщил, что на этот раз ему удалось припереть к стене очень высокопоставленное лицо и предложить ему вопрос, правда ли, что его назначению препятствуют исключительно вероисповедные соображения.

Ответ гласил, что конечно – при теперешнем настроении – его превосходительство – в данное время не может и так далее. «Теперь я, по крайней мере, знаю в чем дело», – закончил мой друг свой рассказ. В последнем для меня не было ничего нового, и он только укрепил мое убеждение. Те же самые вероисповедные соображения стояли на дороге и у меня.

Под утро после этого посещения я увидел следующее сновидение, чрезвычайно интересное также и по своей форме; оно состояло из двух мыслей и двух образов, так что одна мысль и один образ меняли друг друга. Я привожу здесь, однако, лишь первую половину его, так как другая не имеет ничего общего с той целью, ради которой я сообщаю здесь это сновидение.

I. *Коллега Р. – мой дядя. – Я питаю к нему нежные чувства.*

II. *Он очень изменился. Лицо его вытянулось; мне бросается в глаза большая рыжая борода.*

Затем следуют две другие части, опять мысль и опять картина, которые я опускаю.

Толкование этого сновидения я совершил следующим образом.

Когда, проснувшись, я вспомнил о сновидении, я только рассмеялся и подумал: «Какая бессмыслица!» Но от сновидения я не мог отделаться, и оно весь день преследовало меня, пока наконец вечером я себя на упрекнул: «Если бы кто-нибудь из твоих пациентов сказал про сновидение: „Какая бессмыслица“, то ты, наверное, рассердился бы на него или подумал, что позади скрывается какая-нибудь неприятная мысль, сознавать которую он не хочет.

Ты поступаешь совершенно также; твое мнение, будто сновидение бессмыслица, означает лишь твое внутреннее нежелание истолковывать его. Это непоследовательно с точки зрения твоих убеждений».

Я принялся за толкование.

«Р. – мой дядя». Что это может означать? У меня ведь всего один только дядя – дядя Иосиф². С ним произошла чрезвычайно печальная история. Однажды – теперь тому уже больше тридцати лет – он, поддавшись искушению нажать крупную сумму, совершил поступок, тяжело караемый законом, и после этого понес заслуженную кару. Отец мой, поседевший в то время в несколько дней от горя, говорил потом очень часто, что дядя Иосиф не дурной человек, а просто «дурак», как он выражается. Если, таким образом, коллега Р. – мой дядя Иосиф, то тем самым я хочу, наверное, сказать: Р. – дурак. Маловероятно и очень неприятно. Но тут я вспоминаю лицо, виденное мною во сне, вытянутое, с рыжей бородой. У дяди моего действительно такое лицо, вытянутое, обрамленное густой белокурой бородой. Мой коллега Р. был темным брюнетом, но когда брюнеты начинают седеть, то им приходится поплатиться за красоту своей юности. Их черные волосы претерпевают довольно некрасивую метаморфозу: они становятся сперва рыжими, желтовато-коричневыми и наконец седыми. В этой стадии находится и борода моего коллеги Р.; впрочем, также и моя, что я недавно заметил, к своему неудовольствию. Лицо, виденное во сне, принадлежит одновременно и коллеге Р., и моему дяде. Оно подобно смешанной фотографии Гальтона, который приказал сфотографировать несколько лиц на одной и той же пластинке для того, чтобы установить семейные сходства. Не подлежит поэтому никакому сомнению: я действительно думаю, что мой коллега Р. – дурак, как и мой дядя. Я не предполагаю еще, с какой целью я произвел это сопоставление, против которого решительно восстаю. Оно, однако, довольно поверхностно, так как мой дядя был преступником, коллега же Р. никогда не имел касательства к суду. Он привлекался к ответственности однажды за то, что велосипедом сбил с ног какого-то мальчика. Неужели же этот поступок послужил причиной сопоставления? Но ведь это значило бы, что сновидение мое действительно было бессмыслицей. Неожиданно мне приходит в голову другой разговор на эту же тему, который я вел несколько дней назад с другим моим коллегой Н. Я встретил Н. на улице; он – тоже кандидат в профессора; он узнал о сделанном мне предложении и поздравил меня. Я отклонил это поздравление. «Именно нам не следовало бы шутить, ведь вы же сами знаете цену таких предложений». Он ответил, по-видимому, не очень серьезно: «Нельзя знать. Против меня ведь имеется серьезное возражение. Разве вы не знаете, что одна особа когда-то возбудила против меня судебное преследование. Мне нечего вам говорить, что дело не дошло даже до разбирательства: это было самое низкое вымогательство, мне пришлось потом выгораживать обвинительницу от привлечения к суду за недобросовестное обвинение. Но, быть может, в министерстве знают об этом и считаются с этим до некоторой степени. Вы же никогда ни в чем не были замешаны». Вот передо мною и преступник, а вместо с тем и толкование моего сновидения. Мой дядя Иосиф совмещает в своем лице двух не назначенных профессорами коллег, одного в качестве «дурака», другого в качестве «преступника». Я понимаю теперь также и то, какую цель имело это совмещение. Если в отсрочке назначения моих коллег Р. и Н. играли роль «вероисповедные» соображения, то и мое назначение подвержено большому сомнению; если же неутверждение обоих обусловлено другими причинами, не имеющими ко мне никакого отношения, то я все же могу надеяться. Мое сновидение превращает одного из них, Р., в дурака, другого, Н., в преступника; я же ни тот, ни другой; общность наших интересов нару-

² Удивительно, как здесь моя память – в бодрственном состоянии – ограничивает самое себя в целях анализа. Я знал пятерых своих дядей и одного из них любил и уважал. В тот момент, однако, когда я преодолел нежелание истолковать свое сновидение, я сказал себе: ведь у меня был всего лишь один дядя, тот, которого я видел в сновидении.

шена, я могу радоваться своему близкому утверждению, меня не касается ответ, полученный коллегой Р. от высокопоставленного лица.

Я должен остановиться на толковании этого сновидения. Оно недостаточно еще исчерпано для моего чувства, я все еще обеспокоен тем легкомыслием, с которым я отношусь к двум своим уважаемым коллегам, имея лишь в виду открыть себе путь к профессуре. Мое недовольство собственным поведением понизилось, однако, с тех пор как я понял, что означает это мое поведение. Я категорически отрицаю, что действительно считаю коллегу Р. дураком, и не верю в грязную подкладку обвинения, предъявленного к коллеге Н. Я не верил ведь в то, что Ирма опасно заболела благодаря инъекции препаратом пропила, сделанной ей Отто; здесь, как и там, мое сновидение выражает лишь мое желание, чтобы дело действительно обстояло таким образом. Утверждение, в котором реализуется мое желание, звучит во втором сновидении абсурднее, нежели в первом; здесь оно вылилось в форму более искусного использования физических исходных пунктов – в моих мнениях о коллегах была частица правды – против коллеги Р. в свое время высказался один выдающийся специалист, а коллега Н. сам дал мне материал относительно своего обвинения. Тем не менее повторяю, сновидение нуждается, на мой взгляд, в дальнейшем толковании.

Я вспоминаю, что сновидение содержит еще один элемент, на который толкование до сих пор не обращало внимания. В сновидении я питал нежные чувства к своему дяде. К кому относится это чувство? К своему дяде Иосифу я, конечно, нежных чувств никогда не питал. Коллега Р. мне очень дорог, но если бы я пришел к нему и выразил словами свою симпатию, которая бы приблизительно соответствовала нежному чувству в сновидении, то он, наверное, очень бы удивился. Моя нежность по отношению к нему кажется мне неискренней и преувеличенной, все равно как мое суждение относительно его умственных способностей, но преувеличенной, конечно, в обратном смысле. Я начинаю понимать суть дела. Нежные чувства в сновидении относятся не к явному содержанию, а к мыслям, скрытым позади сновидения; они находятся в противоречии с этим содержанием; они имеют, вероятно, целью скрыть от меня истинный смысл сновидения. Я припоминаю, с каким сопротивлением приступил к толкованию этого сновидения, как я старался его откладывать и думал, что мое сновидение – чистейшая бессмыслица. Мои психоаналитические занятия нередко показывали мне, какое значение имеет такое нежелание истолковать сновидение. Оно в огромном большинстве случаев не относится к действительному положению дела, а лишь выражает известное чувство. Когда моя маленькая дочурка не хочет яблока, которым ее угощают, то она утверждает, что яблоко горькое, хотя на самом деле она даже его и не пробовала. Когда мои пациентки ведут себя совсем как моя дочурка, то я знаю, что у них идет речь о представлении, которое им хотелось бы вытеснить. То же самое следует сказать о моем сновидении. Я не хотел его толковать, потому что толкование его содержало нечто для меня неприятное. Теперь же после этого толкования я знаю, что именно мне было так неприятно: утверждение, будто коллега Р. «дурак». Нежные чувства, которые я питаю к коллеге Р., я не могу отнести к явному содержанию сновидения, а только к этому моему нежеланию. Если мое сновидение по сравнению с его скрытым содержанием производит в этом отношении искажение, то проявляющееся в сновидении нежное чувство служит именно этому искажению, или, другими словами, – искажение проявляется здесь умышленно, как средство замаскирования. Мои мысли, скрытые в сновидении, содержат своего рода клевету на Р.; чтобы я не заметил этого, сновидение изображает прямую противоположность – нежные чувства к нему.

Это, безусловно, может быть общим правилом. Как показали примеры в главе III, **есть много сновидений, представляющих собою явное осуществление желания. Там, где это осуществление скрыто, замаскировано, там должна быть на лицо тенденция, противоположная желанию, и вследствие этой тенденции желание могло проявиться исключительно в искаженном виде.** Мне хочется сопоставить это явление с явле-

ниями в жизни социальной. Где в социальной жизни можно найти аналогичное искажение психического акта? Лишь там, где имеется двое людей, из которых один обладает известной силой, другой же принужден считаться с последней. Это второе лицо искажает тогда свою психическую деятельность, или, как мы бы сказали в обыденной жизни, «притворяется», наша вежливость отчасти не что иное, как результат этого «притворства»; истолковывая для читателя свои сновидения, я сам бываю вынужден производить такие искажения.

В аналогичном положении находится и политический писатель, желающий говорить в лицо сильным мира сего горькие истины. Если он их высказывает, то власть имущий подавит его мнение: если речь идет об устном выступлении, то возмездие последует после него, если же речь идет о печатном выступлении, то мнение политического писателя будет подавлено предварительно. Писателю приходится бояться цензуры, он умеряет и искажает поэтому выражение своего мнения. Смотря по силе и чувствительности этой цензуры, он бывает вынужден либо сохранять лишь известные формы нападок, либо же выражаться намеками, либо же, наконец, скрывать свои нападки под какой-либо невинной маской. Он может, например, рассказать о столкновении между двумя мандаринами в Срединной Империи, но на самом деле иметь в виду отечественных чиновников. Чем строже цензура, тем менее прозрачна эта маска, тем остроумнее средства, которые приводят все же читателя на след истинного значения слов.

Поразительное совпадение феноменов цензуры и феноменов искажения в сновидении дает нам право предполагать для тех и других одни и те же условия. Мы имеем основание, таким образом, предполагать, что в сновидении играют наиболее видную роль две психические силы (течения, системы), из которых одна образует желания, проявляющиеся в сновидении, другая же выполняет функции цензуры и, благодаря этой цензуре, способствует искажению этого желания. Спрашивается, однако, в чем же состоит полномочие этой второй силы, проявляющейся в деятельности цензуры. Если мы вспомним о том, что скрытые в сновидении мысли до анализа не сознаются человеком, между тем как проистекающее из них явное содержание сновидения сознательно вспоминается, то отсюда следует предположить, что функция второй инстанции и заключается именно в допущении к сознанию. Из первой системы ничто не может достичь сознания, не пройдя предварительно через вторую инстанцию, а вторая инстанция не пропускает ничего, не осуществив своих прав и не произведя желательных ей изменений в стремящемся к сознанию материале. Мы обнаруживаем при этом совершенно особое понимание «сущности» сознания; осознание является для нас особым психическим актом, отличным и независимым от процесса воспоминания или представления, и сознание кажется нам органом чувства, воспринимающим содержание, данное ему извне. Можно показать, что психопатология не может обойтись без допущения этих основных предпосылок. Более подробно мы коснемся их ниже.

Принимая во внимание роль обеих психических инстанций и их отношение к сознанию, мы можем подметить аналогию между нежным чувством, проявленным мною в сновидении к моему коллеге Р., получившему столь низкую оценку в дальнейшем толковании, и политической жизнью человека. Я переношусь в общественную жизнь, в которой властелин, чрезвычайно ревностно относящийся к своей власти, борется с живым общественным мнением. Народ восстает против нелюбимого администратора и требует его увольнения; чтобы не показать, что он считается с народной волей, властелин должен дать администратору повышение, к которому в противном случае не было бы ни малейшего повода. Таким образом, моя вторая инстанция, властвующая над входом в сознание, обращается к коллеге Р. с преувеличенно нежным чувством, так как желание первой системы на основании особого интереса, с которым они именно и связаны, стараются назвать его дураком.

Здесь может возникнуть мысль, что толкование сновидения способно дать нам разъяснение относительно структуры нашего душевного аппарата, которого мы тщетно ждали от философии. Мы не пойдем, однако, по этому пути, а, выяснив значение искажающей деятельности

сновидения, вернемся к нашей исходной проблеме. Мы задались вопросом, каким образом неприятные сновидения могут означать все же лишь осуществление желаний. Мы видим теперь, что это вполне возможно при наличии искажающей деятельности сновидения, если неприятное содержание служит лишь для замаскирования приятного и желательного. **Учитывая наше предположение о второй психической инстанции, мы можем теперь утверждать: неприятное сновидение действительно содержит нечто, что неприятно для второй инстанции, но что в то же время осуществляет желание первой инстанции. Такие неприятные сновидения постольку означают осуществление желания, поскольку каждое сновидение исходит из первой инстанции, вторая же действует лишь тормозящим образом.** Если мы ограничимся лишь оценкой того, что вносит в сновидение вторая инстанция, то мы никогда не поймем сновидения. Перед нами останутся все те же тайны, которые казались столь неразрешимыми большинству ученых.

Что сновидение имеет действительно тайный смысл, означающий всегда осуществление желания, должно быть доказано для каждого отдельного случая при помощи анализа. Я приведу несколько сновидений с неприятным содержанием и постараюсь проанализировать их. Это большей частью сновидения истериков, требующие обстоятельного предварительного сообщения, а иногда и проникновения в психические явления при истерии. Я не могу, однако, избежать этого осложнения моего изложения.

Когда психоневротик подвергается моему аналитическому лечению, его сновидения становятся тотчас же, как уже было упомянуто, одной из главнейших тем наших бесед. Мне приходится давать ему при этом различные психологические разъяснения, при помощи которых я сам достигаю понимания его симптомов; в ответ на это я слышу от него почти всегда неумолимую критику – такую, какую мне не приходится встречать и со стороны моих заклятых противников. Пациенты постоянно восстают против того, что все их сновидения содержат в себе осуществление желания. Вот несколько примеров сновидений, сообщенных мне как бы в опровержение моей теории.

«Вы говорите всегда, что сновидение – осуществление желания, – говорит одна остроумная пациентка. – Я вам расскажу сейчас одно сновидение, которое, наоборот, доказывает, что мое желание не осуществилось. Как согласуете вы его со своей теорией? Мне приснилось следующее:

„Я хочу устроить для гостей ужин, но у меня в доме нет ничего, кроме копченой лосося. Я собираюсь пойти купить что-нибудь, но вспоминаю, что сегодня воскресенье и все магазины закрыты. Я звоню по телефону к знакомому поставщику, но телефон, как на грех, испорчен. Мне приходится отказаться от желания устроить ужин“.

Я отвечаю, конечно, что лишь анализ может выяснить действительный смысл сновидения, хотя и признаю, что сновидение это на первый взгляд вполне разумно и связно и действительно якобы противоречит теории осуществления желаний. «Из какого же материала происходит это сновидение? Вы же знаете, что повод к сновидению дается каждый раз переживаниями предыдущего дня».

Анализ: Муж пациентки, добросовестный и староватый оптовый торговец мясом, заявил ей накануне, что он слишком пополнил и хочет поэтому начать лечиться от тучности. Он будет рано вставать, делать моцион, держать строгую диету и прежде всего не будет никогда принимать приглашений на ужины. Смеясь, она рассказывает далее, что ее муж познакомился в ресторане с одним художником, который во что бы то ни стало хотел написать с него портрет, потому что он, по его мнению, еще никогда не видел такой характерной головы. Ее муж, однако, довольно резко ответил, что он покорно благодарит и отказывается от предложения. Моя пациентка очень влюблена в своего мужа и часто дразнит его. Она просила также его не покупать ей икры. – Что это значит?

Дело в том, что ей уже давно хотелось есть каждое утро бутерброды с икрой. Но она не решается на такой расход. Конечно, муж тотчас же купил бы ей икры, если бы она только сказала ему об этом. Но она, наоборот, просила его икры не покупать, чтобы потом иметь возможность упрекнуть его этим.

(Это объяснение кажется мне довольно избитым. За такими неудовлетворительными сведениями скрываются обычно какие-либо задние мысли. Достаточно вспомнить о пациентах Беренгейна: они производили постгипнотические приказания и, будучи спрошены о мотивах последних, не отвечали: «Я не знаю, почему я это сделал», а изобретали чрезвычайно неправдоподобные объяснения. Точно так же обстоит дело, по-видимому, в данном случае и с икрой.

Я замечаю, что моя пациентка принуждена создавать себе в жизни неосуществленное желание. В сновидении же действительно имеет место это неосуществленное желание. К чему оно ей, однако?)

Всего этого недостаточно для толкования сновидения. Я добиваюсь дальнейшего разъяснения. После непродолжительного молчания, вполне соответствующего преодолению нежелания быть откровенной, она сообщает, что вчера посетила одну свою подругу, которую ревнует к мужу: он постоянно говорит ей комплименты. К счастью, подруга эта худощава, а ее мужу нравятся только полные. О чем же говорила эта худощавая подруга? Конечно, о своем желании немного пополнеть. Она спросила, кроме того, подругу: «Когда вы нас пригласите к себе? Вы всегда так хорошо угощаете».

Смысл сновидения ясен. Я могу сказать пациентке: «Это все равно, как если бы вы подумали при ее словах: „Еще бы, конечно, я тебя позову – чтобы ты у меня наелась, пополнела и еще больше понравилась моему мужу. Уж лучше я не буду устраивать ужина“. – И действительно, сновидение говорит вам, что вы не можете устроить ужина: оно, таким образом, осуществляет ваше желание отнюдь не способствовать округлению форм вашей подруги. Ведь о том, что человек полнеет от угощений в чужом доме, говорил вам ваш муж, который, желая похудеть, решил не принимать приглашений на ужины. Нам недостает только еще одного элемента, который подтвердил бы это толкование. Мы не разъясняли, кроме того, значения копченой лососины». «Почему вам приснилась лососина?» – «Копченая лососина – любимое кушанье этой подруги», – отвечает она. Случайно я тоже знаком с этой дамой и могу подтвердить, что она так же любит лососину, как моя пациентка икру.

Это же сновидение допускает еще одно более тонкое толкование, даже необходимое ввиду одного побочного обстоятельства. Оба эти толкования не противоречат друг другу, а совпадают и дают превосходный пример чрезвычайно распространенной двусмысленности сновидений, как и всех других психопатологических явлений. Мы слышали, что пациентка перед сновидением думала о неосуществленном желании (бутерброды с икрой). Подруга ее тоже высказала желание, а именно: пополнеть; и нас не должно удивлять, если моей пациентке снилось, что желание подруги не осуществилось. Дело в том, что ей хочется, чтобы желание подруги (пополнеть) не нашло себе осуществления. Вместе с тем, однако, ей снится, что ее собственное желание не осуществляется. Сновидение приобретает новое толкование, если она в этом сновидении видит не себя самое, а подругу, если она заступает ее место или, как следовало бы вернее сказать, отождествляет себя с нею.

По моему мнению, она действительно совершила такое отождествление, и в доказательство его это сновидение изобразило неосуществленное желание. Какой же, однако, смысл имеет истерическое отождествление? Разъяснение этого требует некоторого отклонения от нашей темы; **отождествление (идентификация) чрезвычайно важный момент для механизма истерических симптомов. Этим путем больные выявляют в своих симптомах не только собственные переживания, но и переживания других лиц: они как бы страдают за других и исполняют единолично все роли большой жизненной пьесы.** Мне возразят, что это – общеизвестная истерическая имитация, способность

истериков подражать всем симптомам, наблюдаемым ими у других, – своего рода сострадание, повышенное до степени репродукции. Однако этим характеризуется лишь путь, по которому протекает психический процесс при истерической имитации; совершенно иной, однако, путь и тот душевный акт, который протекает по этому пути. Последний несколько сложнее, чем обычная имитация истериков; он соответствует бессознательному процессу. Я постараюсь иллюстрировать это примером. Врач, у которого в больнице среди других больных, находящихся в одной палате, имеется больная, страдающая характерными судорогами, не должен удивляться, если он в один прекрасный день узнает, что этот истерический симптом нашел себе подражание. Он попросту подумает: «Другие видели этот симптом и стали ему подражать; это – психическая зараза». Да, но психическая зараза передается приблизительно следующим образом. Больные знают обычно больше друг про друга, чем врач про каждую из них в отдельности, и очень интересуются болезнями окружающих, когда кончается визитация врача. У одной из пациенток случается припадок; другие тотчас же узнают, что причиной его послужило письмо из дому, воспоминание об испытанном горе и т. п. Они сочувствуют ей, у них появляется следующая мысль, не доходящая, впрочем, до сознания: если такая причина способна вызвать припадок, то такие же припадки могут быть и у меня, потому что у меня налицо те же причины. Если бы эта мысль дошла до сознания, то она, по всей вероятности, вылилась бы в форму страха перед такого рода припадком. Она возникает, однако, в другой психической сфере и заканчивается реализацией данного симптома. **Идентификация не есть поэтому простая имитация, а усвоение на почве одинакового этиологического условия.**

Идентификация в истерии наиболее часто употребляется для выражения сексуальной общности. Истеричка идентифицирует себя в симптомах своей болезни наиболее часто – если не исключительно – с лицом, с которым она находится в половой связи или которое находилось в половой связи с тем же лицом, что и она. Для идентификации в истерической фантазии и в сновидении достаточно представления о сексуальных отношениях, которые не должны быть вовсе реальными. Пациентка следует поэтому лишь законам истерического мышления, когда дает выражение своей ревности к подруге (впрочем, она все же признает эту ревность неосновательной), ставит себя в сновидении на ее место и отождествляет себя при помощи создания симптома (неосуществленного желания). Выражаясь точнее, процесс этот совершается следующим образом: она занимает в сновидении место подруги, потому что та занимает ее место подле ее мужа и потому что ей хотелось бы получить в глазах мужа такую же оценку, какую он дает ее подруге.

В более простой форме и все же согласно той схеме, что неосуществление одного желания означает собою осуществление другого, разрешается протест против моей теории и у другой пациентки, самой остроумной среди всех моих сновидящих. Однажды я объяснил ей, что, на мой взгляд, сновидение представляет собою осуществление желания; на следующий день она сообщила мне, что ей снилось, будто она со своей свекровью поселилась на одной и той же даче. Я между тем знал, что ей не хотелось провести лето со своей свекровью, знал также и то, что она в последнее время счастливо избежала нежелательного ей общества свекрови, сняв себе дачу далеко от обычного места жительства последней. Сновидение же, однако, превратило осуществленное желание в неосуществленное; разве не служит оно ярким опровержением моей теории. Конечно, достаточно было бы сделать только вывод из этого сновидения, чтобы произвести его толкование. Сновидение это доказывало мою неправоту; таким образом, ее желанием было, чтобы я оказался неправ, и сновидение осуществило именно ее желание. Желание, чтобы я оказался неправ, касалось, однако, в действительности другого, более серьезного вопроса. Дело в том, что материал, добытый к этому времени анализом, давал право думать, что в ее жизни произошло нечто, послужившее непосредственной причиной ее заболевания. Она отрицала это и не могла вспомнить ничего подобного. Вскоре, однако, мы убедились, что я был прав. Таким образом, ее желание, чтобы я оказался неправым, проявившееся

в ее сновидении о совместной жизни со свекровью, соответствовало вполне справедливому желанию, чтобы подозреваемое мною событие никогда не имело места в действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.